ФЕЛИКС КАНДЕЛЬ

ЕВРЕИ РОССИИ
ВРЕМЕНА И СОБЫТИЯ

История евреев Российской империи

Феликс Кандель

Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи

«Мосты культуры»

2014

Кандель Ф. С.

Евреи России. Времена и события. История евреев Российской империи / Ф. С. Кандель — «Мосты культуры», 2014

За последние двадцать лет появилось немало книг и статей о евреях Российской империи, основанных на архивных документах. Эта книга – научно-популярное изложение истории российских евреев от их первых появлений на различных территориях, которые впоследствии вошли в состав Российской империи. Книга подобного рода впервые выходит на русском языке: в ней использованы новейшие исследования историков и архивные источники.

© Кандель Ф. С., 2014
© Мосты культуры, 2014

Содержание

Часть первая 7
Очерк первый 7
Очерк второй 13
Очерк третий 21
Очерк четвертый 27
Очерк пятый 36
Очерк шестой 41
Очерк седьмой 50
Очерк восьмой 57
Очерк девятый 67
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Феликс Соломонович Кандель
Евреи России. Времена и события. История евреев российской империи

За прошедшие четверть века – после распада Советского Союза – появилось немало книг и статей о евреях Российской империи, основанных на архивных документах, ранее недоступных.

Эта книга базируется на предыдущей работе того же автора. В ней использованы многочисленные материалы последних лет, которые не изменили – да и не могли изменить – общую картину истории еврейского народа. Однако сотни дополнительных данных, основанных на новейших исследованиях, помогут читателю, по мнению автора, полнее ощутить социальную, религиозную и культурную жизнь евреев Восточной Европы – среди народов, их окружавших.

Еврейские судьбы разных веков на фоне исторических событий – непременная составляющая этой книги, и для начала обратимся к воспоминаниям.

В 1833 году в белорусском городе Бобруйске родилась Полина (Паулина) Эпштейн, в замужестве Венгерова. Ей досталась долгая жизнь судьбоносного, быть может, периода в жизни российских евреев; она жила со своей семьей в Бресте, Конотопе, Ковно, Вильно, Петербурге, Минске и на исходе дней написала «Воспоминания бабушки».

«Хочу изобразить прошлое достоверно и безыскусно – так, как оно живет в душе моей и памяти; картины невозвратных лет снова проходят предо мной. Не думаю о том, что из этого должна получиться книга. Просто усаживаюсь поудобнее в старом кресле и рассказываю…»

В этих рассказах Полина Венгерова упомянула среди прочего слова своей матери: «Про две вещи я в точности могу сказать: мы и наше поколение проживем свой век и умрем евреями; наши внуки наверное не умрут евреями, но что станется с нашими детьми – это для меня загадка».

И в тех же воспоминаниях бабушка Полина пишет уже о своем времени, о своих детях и внуках:

«Другие народы и нации берут из современных идей лишь то, что соответствует их характеру, сохраняя при этом свою самобытность. Над еврейским же народом тяготеет какое-то проклятие, он почти всегда усваивает чуждое и новое ценой отречения от старого, самого своего извечного и священного…

Мужчины больше не чтили святость субботы и не прерывали ради нее неотложных дел… Их дух не возносился в небесные сферы, а плоть уже не восстанавливала потерянных за неделю сил в строгом спокойствии субботы… Правда, женщины, всем сердцем привязанные к старым порядкам, еще творили молитвы, зажигая свечи в канун субботы, но просвещенный супруг прикуривал от них сигару, и лицо жены искажалось болезненной усмешкой.

С тем же радушием, с каким хозяин дома приветствовал некогда субботнего ангела, он встречал теперь своих приятелей, явившихся сыграть в преферанс. Пусть на столе еще стоял кубок благословения, наполненный вином, никто не пригублял его. Он стал символом. Вот наперченная рыба – другое дело, отступничество еще не зашло так далеко, чтобы отказаться от субботнего ужина… Место субботних песнопений заняли забавные истории, неисчерпаемые еврейские анекдоты; игра в карты могла затянуться до глубокой ночи, ибо рано утром господа уже не являлись в синагогу к молитве…

Крещение моих детей стало для меня самым тяжелым ударом в жизни… Постепенно это страдание перестало быть личной драмой, оно всё больше приобретало характер национального бедствия. Не только как мать, но и как еврейка я испытывала боль за весь еврейский народ, который терял столько благородных сил…

И вот пришло третье поколение, которое не боялось ни Бога, ни черта. Самые высшие почести оно оказывало собственной воле и возвысило ее до божества. Этому божеству оно курило ладан. Оно воздвигало ему алтари. Без страха и трепета оно приносило ему самые священные жертвы. Трагедией и роком этого юношества было то, что оно выросло без традиций…

Возможно, некоторые из молодых читателей подумают, что я вижу ситуацию в чересчур мрачном свете. Что мои воспоминания пеленой застилают мое зрение. О нет… Третье поколение! Покажите мне ваше счастье, покажите мне благородство вашей морали – и я с готовностью склонюсь перед вами».

* * *

Это был запев, а теперь перейдем к последовательному изложению исторических событий и судеб евреев, что в течение многих веков жили на разных территориях, которые к началу двадцатого века входили в состав Российской империи.

Гигантские расстояния отделяли их друг от друга – евреев Бухары, к примеру, от евреев Польши, были у них разные традиции, говорили они в быту на разных языках, но один это народ, и одна вера, один общий язык – иврит, на котором они молились, и один Бог, которому они служили в радости и в горе.

В этой книге приведены многие подробности при описании бесчисленных погромов, подробности устрашающие, и читатель вправе спросить: зачем выплескивать на страницы так много крови? Не достаточно ли ограничиться двумя-тремя примерами?.. Нет ответа на этот вопрос. Было и есть лишь постоянное беспокойство-напоминание – изнутри, толчками крови: если ты не расскажешь о них, убитых и замученных, если ты не поведаешь, не упомянешь, – то кто же?..

За долгие годы работы над книгой – изучая материалы, просматривая газеты, собирая по крохам из разных источников, автор неоднократно повторял сказанное в давние времена: «Когда камень падает на кувшин, горе кувшину. Когда кувшин падает на камень, горе кувшину. Всегда, всегда – горе кувшину…»

Памяти евреев разных времен, что жили, работали и нашли последнее упокоение в той земле, памяти родителей и брата – посвящает автор эту книгу.

Иерусалим, 2014 год.

Часть первая
(До второй половины восемнадцатого века)

Очерк первый
Кто мы. Как называем сами себя. Как называют нас другие. Когда пришли на эти земли

Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин – могуч богатырь…

1

Прежде всего – как мы называем сами себя и как называют нас те народы, среди которых нам приходилось и приходится жить.

Евреи – называемся мы по-русски, «еврей» – записано было в советских паспортах, и это название восходит через византийское «эврэос» к древнегреческому «эбрайос», а отсюда уже недалеко и до коренного еврейского самоназвания – «иври».

«Иври» – слово на языке иврит – встречается в Торе не один раз. Вот, например, когда враги захватили в плен Лота, племянника Авраама, сказано: «И пришел один из уцелевших, и известил Аврама…» – написано «Аврам га-иври», что означает по-русски – Авраам-еврей. И Йосефа, сына Яакова, называет Тора – «иври», еврей Йосеф. И Моисей заступился в Египте за одного насчастного, которого избивал египтянин, и назывался этот несчастный – «иври», еврей.

Сказано в Торе: если есть у тебя раб-еврей – «иври», то шесть лет он может быть рабом твоим, а на седьмой год его следует непременно отпустить на свободу. Потому что он, как и ты, «иври» – еврей. И в книге пророка Ионы, когда корабельщики спросили его во время бури: кто ты? из какого народа? – ответил им Иона: «Иври анохи» – «я еврей».

«Иври» – в буквальном переводе это означает «пришелец с той стороны», и еврейская традиция трактует это как «пришелец из-за реки Евфрат». «Аврам га-иври» – Авраам-еврей – пришел в Ханаан с севера, из-за Евфрата, он первым назван в Торе этим именем. Авраам был также потомком Эвера: «Эвер», «иври» – очень близкие созвучия, не отсюда ли глубинный смысл этого слова? Эвер верил в единого Творца Вселенной, поэтому, возможно, и потомок Эвера, последователь веры Эвера в единого Бога называется «иври» – еврей.

Есть у нас и другое название по-русски – иудей. Так было записано когда-то в паспортах евреев Российской империи в графе «вероисповедание» – «иудей». Слово «иудей» восходит к еврейскому самоназванию – «иегуди». У Яакова, праотца нашего народа, было двенадцать сыновей, родоначальников двенадцати колен Израиля. Одного из сыновей Яакова звали Иегуда, и его потомки назывались «иегудим». Потом так стали называть жителей Иудейского царства в отличие от жителей Израильского царства. После падения Израильского царства названием «иегуди» стали обозначать национально-религиозную принадлежность вне всякой связи с какими-либо территориальными границами. «Иегуди» – иудей.

Существуют и иные самоназвания: «бней Исраэль» – сыновья Израиля, «Исраэль» – Израиль, «бейт Яаков» – дом Яакова, праотца нашего народа, но в русском языке были употребительны два названия: еврей и иудей. И изредка еще, в прежние времена, называли нас в России – «израэлиты». Все эти русские названия произошли от соответствующих древнееврейских самоназваний: «иври», «иегуди», «исраэль».

Эти же самоназвания вошли и в языки народов мира – с некоторыми звуковыми изменениями, характерными для каждого языка. К названиям «иври», «иегуди», «Исраэль» восходят английские Hebrew, Jew, Israelite, немецкие Hebraer, Jude, французские Hebreu, Juif, Israelite, итальянские ebreo, giudeo, испанские hebreo, judio, португальское judeo, польское zyd.

Эти же коренные слова – «иври», «иегуди», «Исраэль» – присутствуют и в языках евреев, что жили прежде и живут сегодня на территории бывшей Российской империи. Восточноевропейские евреи называют себя на идиш – «идн», бухарские евреи называют себя на еврейско-таджикском диалекте – «яхуди», «исроэл», горские евреи на татском языке – «джухур», грузинские евреи на грузинском языке – «эбраэли», «исраэли»; крымские евреи, крымчаки называют себя на крымчакском диалекте крымско-татарского языка – «срэл балалары» или «бане исраэл»; лахлухи – есть и такие евреи, выходцы из Иранского Азербайджана и Курдистана – называют себя на новоарамейских диалектах «сраэль», «удэ».

И всё оттуда, от этих самоназваний – «иври», «иегуди», «Исраэль».

2

Есть еще одно название, которым нас иногда называют по-русски: жид. Вместе со словом «иудей» оно восходит к греческому – «иудайос», а оттуда уже к знакомому нам слову на иврите – «иегуди». Жид – это древнее общеславянское название еврея, которое существовало в русских летописях и в русском законодательстве до конца восемнадцатого века и не носило прежде обидного смысла.

Несколько примеров из русских источников.

Одиннадцатый век, из устава времен князя Ярослава: «Аще кто с бусурманкою или с жидовкою блуд сотворит… от церкви да отлучится и от христиан, а митрополиту двенадцать гривен».

Пятнадцатый век, из поучений митрополита Зосимы: новгородские еретики «хвалят жидовскую веру, поносят и хулят Иисуса Христа, сына Божия, и Богоматерь, и называют иконы идолами».

Восемнадцатый век, из частного дневника: «Через Красный Кабачок проехал почтой из Ревеля в Петербург голицынский придворный жид Липман».

Кроме названия «жид» существовало понятие «жидовин»: чаще всего в былинах, в народных песнях, сказаниях и поговорках.

Еще что же то за богатырь ехал?
Из этой земли из Жидовския
Проехал Жидовин – могуч богатырь…
Сыра мать земля всколебалася,
Из озер вода выливалася,
Под Добрыней конь на колена пал…

Далее в былине сказано, что Добрыня не стал воевать с Жидовином, а выехал навстречу ему сам Илья Муромец. Долго они дерутся – палицами, саблями, копьями, врукопашную, поначалу Жидовин вроде одолевает Илью: «Сел нахвальщина на белы груди, вынимал чинжалище

булатное, хочет вспороть груди белые…», – но, в конце концов, Илья Муромец побеждает Жидовина и говорит своим товарищам: «Ездил в поле тридцать лет, этакого чуда не наезживал!..»

Этот Жидовин присутствует также в сербских и болгарских былинах. В славянском предании сказано, что жиды – это первые люди на земле, которые вылезли из земли, как грибы. Высокие и дородные, они ходили спотыкаясь, падали и не могли больше встать. Они не боялись ни грома, ни молнии, когда начиналась гроза, клали себе на голову камень, приговаривая: «Каменная у меня голова! Что ты со мной поделаешь?» Легенда говорит: когда Всевышний увидел, что они такие никудышные, падают, не могут снова подняться, Он их извел – и этих жидов не стало.

За прошедшие века накопилось немало русских пословиц, поговорок и примет о евреях. Достаточно пролистать Толковый словарь и Собрание пословиц и поговорок В. Даля, чтобы понять, как выглядели мы, евреи, в глазах того населения, среди которого нам довелось жить.

Господь и жидов манной кормил.
Цыган да жид обманом сыт.
Жиды как шмели: все за одного стоят.
У мужика грудь никогда не зябнет, у жида – пятки, у ляха – уши.
Православного обманет цыган, цыгана жид, жида грек, грека – черт.
Из двух котлов жидов черти одного армянина выварили.
Девка с полными ведрами, волк, медведь и жид – добрая примета.

3

В 1989 году в Советском Союзе прошла последняя всеобщая перепись населения. Каждому гражданину страны выдавался опросный лист, который он должен был заполнить, и в графе «национальность» 1 миллион 450 тысяч человек записали – еврей. 1 миллион 450 тысяч человек определили себя как евреи, хоть и жили они в тот момент в разных частях Советского Союза – с разными обычаями и разными разговорными языками.

Ашкеназы составляли по той переписи 95 процентов от общего количества евреев бывшего СССР: в основном, евреи России, Украины, Белоруссии, Молдавии и Прибалтики. Ашкеназы – это потомки евреев, что жили в Средние века на территории теперешней Германии, в особенности по берегам Рейна. Затем они стали селиться в Польше и Литве, потом попали в Российскую империю, но название «ашкеназы» сохранилось по сей день. Когда-то евреи называли Германию «эрец Ашкеназ», а отсюда и ашкенази – это немецкий еврей или потомок немецкого еврея.

Обозначению «ашкеназы» противопоставлено обозначение «сефарды», которое определяет еврейский культурный комплекс, сложившийся в Испании и Португалии в Средние века. На территории бывшего Советского Союза почти нет сефардов, но живут восточные евреи, которых неверно называют сефардами. По переписи 1989 года они составляли около 5 процентов от общего количества евреев Советского Союза, и среди них – бухарские евреи, горские евреи, грузинские евреи, крымчаки и лахлухи (об этих группах еврейского населения будет рассказано отдельно).

Вот такие мы разные, российские евреи, и Россия не сразу и не вдруг познакомилась с нами. Это был долгий период, растянувшийся на многие века, пока сотни тысяч евреев не оказались на территории Российской империи. Бывали периоды, когда евреи уходили от преследований и селились на тех землях, которые затем подпадали под власть русских царей. Бывали периоды, когда Россия расширяла свои границы и обнаруживала на занятых территориях вместе с коренными народами, их населявшими, еще и евреев.

Во второй половине девятнадцатого века Россия захватила территории Средней Азии, и часть среднеазиатских евреев стали подданными русского царя. В первой половине девятнадцатого века Россия распространила свою власть на Кавказ и Закавказье, и ее подданными стали горские и грузинские евреи. В 1812 году, после присоединения Бессарабии, очутились в России бессарабские евреи. Крым – 1783 год – вошел в состав Российской империи, и крымские евреи тоже. 1772–1795 годы, три раздела Польши – огромные количества евреев Белоруссии, Литвы, Польши, Украины и Курляндии оказались на русской территории.

Но и до этого, еще раньше, евреи-купцы приезжали торговать в Россию, если их, конечно, туда впускали. Евреи-одиночки приезжали в Россию работать – врачи, аптекари, мастера разных ремесел, и одни из них приживались и оставались навсегда, а других изгоняли или убивали. Известны и такие исторические периоды, совсем уж в давние времена, когда не было еще Российской империи, не было Московского княжества, не было Киевской Руси, а евреи уже приходили на эти земли и поселялись там. В Средней Азии, к примеру. В Крыму. И на Кавказе.

4

Говорили мудрецы Израиля: «Знай, откуда ты пришел», добавляли к этому: «Кто не знает, откуда он пришел, не будет знать, куда ему идти», а потому повторим рассказ о нашей родословной, кому-то уже знакомый.

Известно из библейской истории: Авраам родил Ицхака, Ицхак родил Яакова, у Яакова было 12 сыновей, родоначальников 12 колен Израиля. После исхода из Египта эти колена расселились на Земле Израиля, управлялись сначала судьями, потом царями: первым был царь Шауль (Саул), за ним Давид, за Давидом – Шломо (Соломон). После смерти царя Шломо еврейское государство разделилось на два – Иудею на юге и Израиль на севере. Два колена входили в состав Иудеи, колена Иегуды и Биньямина, остальные десять колен составляли население Израиля.

В 722 году до новой эры могущественная тогда Ассирия завоевала Израильское царство, захватила его столицу Самарию и угнала в полон многих жителей – в Ассирию, в Мидию. Это было первое в нашей истории массовое переселение евреев со своей земли, первое изгнание. В 586 году до новой эры вавилонский правитель Навуходоносор завоевал Иудейское царство, взял после осады Иерусалим, разрушил Храм и увел в Вавилонию большинство жителей. Разные еврейские общины мира ведут отсчет от этих событий, считая себя потомками тех изгнанников: евреи Аравии, Йемена, Персии, Бухары, Кавказа, Испании, Франции, Германии, Китая.

Были затем на земле Израиля греко-сирийские завоеватели, и они тоже угоняли пленников. Было Великое еврейское восстание против Рима, разрушение римлянами Второго Храма в 70 году новой эры и новый угон пленников. Было восстание Бар-Кохбы, выселение евреев после подавления восстания в 135 году, – так начиналось и так продолжалось расселение евреев по землям и странам, от одного правителя к другому, затихая во времена благополучные и возобновляясь в периоды гонений.

Начнем с северного Причерноморья.

Евреи приходили туда вместе с греческими, римскими, а затем и византийскими поселенцами и оседали в узловых транзитных пунктах на главных торговых путях Южной Руси, в том числе, очевидно, и на пути «из варяг в греки», и передвигались по этим путям, основывая свои общины. Это был долгий исторический процесс, в большинстве случаев не зафиксированный в хрониках, – на северных берегах Черного моря, на открытой дороге между Европой и Азией, в сложных условиях перемещений и столкновений гигантских людских масс, когда один народ вытеснял народ другой или подчинял себе его остатки.

Греческий историк Геродот – со ссылкой на поэта древних времен Аристея – сообщал, что на северных берегах Черного моря жили киммерийцы, севернее их – скифы, еще дальше – исседоны, потом аримаспы – одноглазые люди, за аримаспами грифы стерегли золото, и совсем уж на севере располагались блаженные гипербореи.

Что правда в этих рассказах, а что вымысел – решайте сами, но вот названия исторических народов, которые действительно прошли через южнорусские степи, завоевывая и в свою очередь завоеванные. Скифы, массагеты, исседоны, киммерийцы, агатирсы, невры, будины с гелонами, сарматы, бастарны, гунны, аланы, авары, хазары, угры-мадьяры, черные болгары, утугуры с кутугурами, касоги с ясами, печенеги с половцами, – и где-то там, среди них, в безумном водовороте войн, пленений и перемещений народов жили и евреи, такие от всех отличные – посреди язычников: со своим единым Богом и со своими традициями.

В старинных летописях, оспариваемых современными историками, сказано, что царский грузинский род Багратиони и царский армянский род Багратуни основаны евреями.

В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци – Моисея Хоренского, которая составлена в пятом веке новой эры, сказано: «Об армянском царе по имени Храчеай, современнике вавилонского царя Навуходоносора, рассказывают, что он выпросил у Навуходоносора одного из главных еврейских пленников по имени Шамбат, привел его в Армению, поселил там и осыпал почестями. От Шамбата (или Смбата) происходит, по преданию, род Багратуни, чему подтверждением служит то, что Багратуни часто давали своим сыновьям имя Смбат».

В грузинском летописном своде «Картлис цховреба» («Житие Грузии») написано так: «Семеро братьев бежали из плена филистимлян и наконец пришли в Эклеци, где находился дворец армянской царицы Ракаэл. Здесь они вскоре приняли христианство, и трое из братьев остались в Армении. Их внуки и правнуки и сейчас княжат в той стране. Четверо же других решили идти еще дальше на север. Так они оказались в Картли. Один из братьев, по имени Гуарам, возвысился, стал эриставом. Он и является родоначальником грузинских Багратионов».

В «Картлис цховреба» генеалогия Багратионов возводится к библейскому Ишаю (Иессею), к его сыну – еврейскому царю Давиду и к сыну Давида – Шломо (Соломону), а потому грузинские цари из рода Багратиони титуловали себя «Иессиан – Давидиан – Соломонианами». В их гербе изображена праща царя Давида, с помощью которой он убил Голиафа, арфа Давида, а над гербом надпись по-грузински: «Божией милостью потомок Иессея, Давида и Соломона царь всея Грузии». И стих из псалма: «Клялся Господь Давиду: истина – Он не отступит от нее: «От плода чрева твоего (из сыновей твоих) посажу на престоле твоем»».

До конца восемнадцатого века название «жид» означало в России лишь принадлежность к определенной национальности и употреблялось в том же

смысле, что «поляк», «турок» или «татарин». Сохранились документы и письма, в которых уважаемых евреев называли «жидами», добавляя при этом лестные и почетные титулы. Но к концу восемнадцатого века из официальных российских документов, выпускавшихся от имени Екатерины II, исчезло прежнее наименование – «жиды», а взамен появилось новое – «евреи».

В 1790 г. евреи-купцы из Белоруссии пожаловались начальству, что в Москве их называют «жидами» «в поругание», в то время как власти именуют их «евреями». Постепенно название «жид» стало приобретать в русском языке презрительное и оскорбительное звучание, однако в литературе, в частных письмах и во многих документах девятнадцатого века широко употреблялось это наименование – «жиды».

Во всех дореволюционных изданиях Толкового словаря В. Даля объяснение слова «еврей» отсутствует, но зато присутствует толкование понятия «жид, жидовин, жидюк, жидюга, жидовье». И вот оно: «Старинное народное название еврея. Презрительное название еврея». В Толковом словаре Д. Ушакова сказано (1935 год): «Жид – в устах антисемитов – еврей (презрит)». В Толковом словаре С. Ожегова (1975 год) объяснение этого слова отсутствует.

Депутат П. Милюков говорил с трибуны Государственной Думы (начало двадцатого века): «К сожалению, отдельные депутаты при упоминании одной из наций допускают употребление унизительного наименования, имеющего оскорбительный характер (смех справа). Слово «жид», «жидовское племя», «лица жидовского происхождения» – словом, ту специфическую терминологию, которая является общеупотребительной среди подонков общества и малокультурных слоев населения (аплодисменты слева)».

Очерк второй
Хазары. Хазарский каганат. Принятие иудаизма. Расцвет и гибель Хазарии

Хазарскому правителю Булану явился во сне ангел и сказал: «О, Булан! Твои намерения угодны Творцу, но действия твои Ему не угодны». Ангел пообещал Булану власть и славу, если он примет еврейскую религию; после этого Булан отправился походом на Кавказ и выиграл несколько сражений…

1

В середине четвертого века новой эры на Восточную Европу обрушились гунны, видом своим поразившие европейцев. Историк того времени описывал их: коренастые, безбородые, «безобразные, похожие на скопцов», «приросшие к коням», они постоянно «кочуют по разным местам, будто вечные беглецы», и «сокрушают всё, что попадается на пути».

Гунны заняли прикаспийские и донские степи, опустошили Причерноморье, ворвались в Центральную Европу. Их повелителем стал Аттила; это была огромная гуннская империя, которая распалась после его смерти, в 454 году. Племена и народы восточноевропейских степей освободились из-под власти гуннов, стали развиваться самостоятельно, а их имена появились в исторических хрониках тех времен: акациры, барсилы, сарагуры, уроги, савиры, авары, болгары, утугуры с кутугурами.

С шестого века появляются в сирийских, армянских, византийских, латинских и китайских рукописях первые сведения о неизвестном до того народе, который поселился на территории Нижнего Поволжья и восточной части Северного Кавказа. А в последующие века имеется немало упоминаний о них в арабских и персидских источниках. Арабы в своих летописях называли их «ал-хазар», армяне называли их «хазирк», в «Начальной русской летописи» они названы «козаре», в еврейской средневековой письменности они появились под именем «кузар», «кузарим». В современном русском языке этот народ называется хазары.

Византийские писатели тех времен причисляли хазар к тюркским народам. Так же полагали и арабские писатели, хотя были среди них и такие, что относили хазар к грузинам или к армянам; в армянском источнике их связывали с китайцами, в грузинской летописи – со скифами; арабский географ десятого века Абу-Абдалла ал-Мукаддаси писал: «В наружном виде… в хазарах есть сходство со славянами». На самом деле название «хазары» охватывало племена различного происхождения, многочисленные кочевые и полукочевые народы, остатки прошедших через южнорусские степи гуннов, и тюркские элементы там преобладали.

Колыбелью хазар были прикаспийские степи Северного Предкавказья, то есть территория современного Дагестана. Хазары были воинственным народом, еще в шестом веке – в составе других тюркских племен – они ходили походами в Закавказье, и персидский шах для защиты от них построил гигантскую стену со многими оборонительными башнями. Армянский историк седьмого века Мовсес Каланкатваци описывает их как «безобразную, гнусную, широколицую, безресничную толпу», которая «в образе женщин с распущенными волосами» устремилась в Закавказье.

Хазарский каганат образовался в середине седьмого века, его столицей был сначала город Семендер на территории теперешнего Дагестана, а затем Итиль в устье Волги. В седьмом веке хазары оттеснили на запад болгар и захватили приазовские степи, Северное Причерноморье,

часть степного Крыма. «Хазары, великий народ… – писал византиец Феофан Исповедник. – Овладели всей землей вплоть до Понтийского моря».

Так возникла федерация разных племен, которые занимались кочевым скотоводством, земледелием, охотой и рыболовством. Федерация возглавлялась хазарским (тюркским) родом, а все племена и народы, что входили в нее, могли самостоятельно ходить в походы, заключать договоры и принимать ту религию, которую они желали. Хазарский каганат существовал около трехсот лет, и в период наивысшего расцвета его территория простиралась от Дуная до Аральского моря на востоке, от Среднего Поволжья до Кавказа и Крыма на юге.

В Хазарском каганате было два верховных правителя. Один из них – главный царь, каган, который принадлежал к фамилии знатного происхождения; обычай его избрания описал арабский географ Истахри: «Когда они желают поставить кого-нибудь каганом, то приводят его и начинают душить шелковым шнурком. Когда он уже близок к тому, чтобы испустить дух, говорят ему: «Как долго желаешь царствовать?» Он отвечает: «Столько-то и столько-то лет»…»

Этот обычай был связан с верой в божественную силу кагана: он сам определял в полузабытьи срок пребывания в его теле этой силы. Каган жил уединенно со своими женами, к нему допускались лишь несколько чиновников после прохождения очистительных обрядов. Если на страну обрушивалось несчастье – засуха, разорение, поражение в войне, то этого кагана убивали, потому что в нем иссякла божественная сила, и взамен выбирали нового кагана, которому начинали поклоняться. Но фактическая власть в стране принадлежала другому царю – каган-бегу: он стоял во главе войска и вершил государственные дела.

К восьмому веку Хазарское государство стало могущественной политической и военной силой Восточной Европы. Хазары вели долгие войны с Арабским халифатом, и – как отмечают теперешние историки – Хазария сыграла важную роль в истории восточноевропейских народов, заслонив их от арабов и выдержав атаки неодолимых прежде арабских армий. Хазария помогла Византии, оттягивая на себя арабские силы, которые в противном случае угрожали бы Византийской империи, и ограждала славян в Приднепровье от нападений кочевников.

Русский ученый-тюрколог В. Григорьев писал в девятнадцатом веке: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор, ярко блистала она на мрачном горизонте Европы…»

Подобное отмечал в двадцатом веке и русский академик Ю. Готье: «Историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая. Это обстоятельство выдвигает их из множества народов азиатского происхождения, последовательно сменявших друг друга на пространстве между Волгой, Доном и Кавказом».

2

Хазары были язычниками, одним из многих языческих народов Восточной Европы, приносили жертвы огню и воде, поклонялись луне, деревьям, божеству Тенгри-хану, – и мы бы не упомянули о хазарах в этом повествовании, если бы не одно обстоятельство. В первой половине восьмого века часть хазар Северного Предкавказья во главе со своим правителем Буланом приняли иудаизм. В тех местах жили тогда евреи, ушедшие из Сасанидского Ирана во времена насильственного насаждения чужой веры, – от них, скорее всего, пришла к хазарам еврейская религия.

Легенда рассказывает, что хазарскому правителю Булану явился во сне ангел и сказал: «О, Булан! Твои намерения угодны Творцу, но действия твои Ему не угодны». Ангел пообещал Булану власть и славу, если он примет еврейскую религию; после этого Булан отправился походом на Кавказ и выиграл несколько сражений. Из разных источников известно, что в первой половине восьмого века хазары одержали крупные победы в Кавказской Албании (нынешний Азербайджан), – принятие Буланом иудаизма приурочивается примерно к 740 году.

Но прежде чем он это совершил, император Византии и правитель мусульман прислали ему богатые подарки и отправили ученых мужей – склонить его к своим религиям. Булан устроил диспут, в котором участвовали христианин, мусульманин и еврей, но не принял никакого решения. И тогда он спросил христианского священника: «Как ты думаешь, какая религия лучше – израильтян или исмаильтян?» На это священник ответил: «Вера израильтян лучше веры исмаильтян». Затем Булан спросил мусульманского кадия: «А ты как думаешь, какая вера лучше – христианская или израильская?» Кадий ответил: «Израильская лучше». После этого Булан сказал: «Если так, то вы сами признали, что религия израильтян самая лучшая, и потому я выбираю веру Израиля, которая была верой Авраама. Да поможет мне всемогущий Бог!»

История про Булана стала известна из письма хазарского кагана Йосефа еврею по имени Хасдай Абу Юсуф бен Ицхак бен Эзра бен Шапрут – или Хасдай ибн Шапрут. Он жил в десятом веке в испанском городе Кордова; это был покровитель наук, знал прекрасно еврейский, арабский, греческий и латинский языки, изучал медицину и открыл «всеисцеляющее» средство – корень «фарук», который славился у арабов.

Хасдай ибн Шапрут – личный врач и советник халифа Кордовы Абд ал-Рахмана – вёл дипломатические переговоры халифата с другими странами и добивался успехов в переговорах «очаровательной речью, сильным умом, большой ловкостью и тысячами хитростей». Он посылал богатые подарки в еврейские иешивы Вавилонии, собирал вокруг себя и поддерживал еврейских ученых, скупал на Востоке еврейские книги; как говорили тогда, «Хасдай бен Ицхак был среди выдающихся знатоков-законоведов. Он открыл андалузским евреям врата к познанию законов».

В те времена испанские евреи чрезвычайно гордились своим положением и многочисленными успехами в торговле, политике и культуре. Но вместе с тем они зависели от чужих правителей, были представителями рассеянного по миру и угнетенного народа, у которого нигде не было политической самостоятельности, – да и католическое духовенство постоянно подчеркивало, что евреи – презираемый Богом народ, а все их былые преимущества давно уже перешли к христианам. Поэтому испанские евреи с большим волнением воспринимали любые слухи о существовании в неведомых краях независимых еврейских государств.

В конце девятого века объявился в Испании некий человек по имени Эльдад, который утверждал, что происходит из колена Дана, одного из десяти пропавших колен Израиля. Он сообщил, что четыре колена – Дан, Нафтали, Гад и Ашер – живут богато и счастливо под скипетром еврейского царя в стране Куш (Абиссиния), за легендарной рекой Самбатион. Эльдад рассказал также, что «колено Шимона и половина колена Менаше обитают в стране кузарим, на расстоянии шести месяцев пути от Иерусалима; они неисчислимы и собирают дань с двадцати пяти царств».

Это известие привело испанских евреев в неописуемое возбуждение. Каждому было известно, что десять пропавших колен составляли население Израильского царства; когда оно было разрушено ассирийцами в 722 году до новой эры, всех угнали в плен – в Ассирию и Мидию, и с этого момента десять колен Израиля как бы исчезли с лица земли. Их искали, о них создавали легенды, время от времени появлялись полуавантюристы, полуфантазеры, которые уверяли всех, что приехали из тех мест, где эти пропавшие колена живут самостоятельно под властью справедливого еврейского царя, – и им верили, этим людям, потому что очень хотели поверить, что не все сыны народа живут под чужой властью-прихотью.

Хасдай ибн Шапрут знал о рассказах Эльдада из колена Дана и – как все испанские евреи – ожидал этому подтверждения. В середине десятого века он узнал от заезжих персидских купцов, что на востоке, в далеких степях, существует могущественное иудейское государство. Поначалу он не поверил купцам, но вскоре посланцы из Византии подтвердили сообщение: есть такое государство в пятнадцати днях пути от Византии, имя ему – ал-Хазар, и правит там царь Йосеф. «Корабли приходят к нам из их страны, – сообщили посланцы, – и привозят рыбу, и кожу, и всякого рода товары… Они с нами в дружбе и у нас почитаются… Между нами и ими постоянный обмен посольствами и дарами. Они располагают военной силой, могуществом и войсками, которые выступают на войну по временам».

Евреи с восторгом приняли известие о существовании на востоке царства, которое живет по законам Моисея. Сразу же решили, что хазары – это потомки Иегуды и таким образом осуществилось библейское пророчество: «Не отойдет скипетр от Иегуды». Даже когда впоследствии выяснилось, что хазары – перешедшие в иудаизм идолопоклонники, это не поколебало симпатий к неизвестному народу. Рассказами о хазарах евреи зачитывались в последующие века, существовала разнообразная еврейская литература на эту тему, и переписка Хасдая ибн Шапрута с царем Йосефом занимает в ней почетное место.

3

Хасдай ибн Шапрут написал письмо хазарскому царю: «От меня, Хасдая, сына Ицхака, сына Эзры, из потомков иерусалимской диаспоры в Сфараде (Испании), раба моего господина, царя… чтобы он долго жил и царствовал в Израиле…»

Это письмо он направил сначала с особым посланцем через Византию, но тамошний император полгода продержал у себя посланца и затем отправил его назад, ссылаясь на невероятные опасности, которые подстерегают на пути в Хазарию. Скорее всего, в христианской Византии не желали способствовать сближению европейских евреев с Хазарским каганатом. Настойчивый Хасдай ибн Шапрут решил переправить письмо через Иерусалим, Армению и Кавказ, но в этот момент подвернулась оказия, два еврея из Загреба, которые отвезли письмо в Хорватию, оттуда его переслали в Венгрию, а затем через Русь – к хазарам.

Хасдай ибн Шапрут писал в своем письме, что если сведения о еврейском государстве верны, то он бы и сам «пренебрег своим почетом и отказался от своего сана, оставил бы свою семью и пустился странствовать по горам и холмам, по морю и суше, пока не пришел бы к месту, где находится господин мой, царь, чтобы увидеть его величие, его славу и высокое положение, чтобы повидать, как живут его рабы и как служат его служители, и покой уцелевшего остатка Израиля… Как я могу успокоиться и не думать о разрушении нашего великолепного Храма… когда нам говорят каждый день: «У каждого народа есть свое царство, а о вас не вспоминают на земле»…»

В своем письме Хасдай ибн Шапрут задавал царю много вопросов: о размерах государства и его природных условиях, о городах, о его войске, но самые главные вопросы – «из какого он колена», этот царь, «сколько царей царствовало до него и каковы их имена, сколько лет царствовал каждый из них и на каком языке вы говорите». Хазарский каган Йосеф получил послание из Кордовы, и до наших дней дошли два ответа: краткая и пространная версии его письма, по поводу достоверности которых исследователи ведут полемику. Письмо было написано на иврите, и, возможно, написал его не сам каган, а один из его приближенных-евреев.

Йосеф сообщал, что его народ происходит из рода Тогармы. Тогарма был сыном Яфета и внуком Ноя, а одного из его сыновей звали Хазар. От него-то и пошли хазары. Сначала, сообщал Йосеф, хазары были малочисленны, «они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Всевышнего прогнали их и заняли всю страну… После того прошли поколения, пока не явился у них один царь, имя которого Булан. Он был человек

мудрый и богобоязненный, уповавший всем сердцем на Бога. Он устранил из страны гадателей и идолопоклонников, искал защиты и покровительства у Всевышнего».

Еще сказано в том письме: Булан «совершил над собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание… и доставил (к себе) изо всех мест мудрецов израильских…» После Булана, принявшего иудаизм, царь Йосеф перечислил хазарских каганов-иудеев, у каждого из них было еврейское имя: Овадия, Хизкиягу, Менаше, Ханука, Ицхак, Звулун, снова Менаше, Нисим, Аарон, Менахем, Биньямин, снова Аарон и, наконец, автор письма – Йосеф.

Он писал, что в его стране «никто не слышит голоса притеснителя, нет противника и нет дурных случайностей… Страна плодородна и тучна, состоит из полей, виноградников и садов. Все они орошаются из рек. У нас есть очень много всяких фруктовых деревьев. С помощью Всемогущего я живу спокойно». Йосеф был последним правителем могущественного Хазарского каганата, и когда он отправлял письмо в далекую Испанию – не позже 961 года, не знал еще, что дни его царства уже сочтены.

4

Обращение в иудаизм – это был длительный процесс, завершившийся к началу девятого века, когда хазарский каган Овадия сделал иудаизм государственной религией. Такое не могло произойти случайно, на пустом месте: по-видимому, уже тогда в Хазарии было достаточное количество евреев, которые повлияли на принятие такого решения. С этого момента каган, его приближенные (возможно, и часть городского населения) стали исповедовать еврейскую религию.

Еще при Булане евреи пришли в Восточное Предкавказье, спасаясь от преследований мусульман. При Овадии, как отмечал арабский историк Масуди, «много евреев переселилось к хазарам из всех городов мусульманских и из Рума (Византии), потому что царь Рума преследовал евреев в своей империи, чтобы совратить их в христианство». Евреи заселили целые кварталы хазарских городов, особенно в Крыму. Многие из них осели и в столице Хазарии – Итиле. Каган Йосеф писал про те времена: Овадия «поправил царство и укрепил веру согласно закону и правилу. Он выстроил дома собрания и дома учения, собрал мудрецов израильских, дал им серебро и золото, и они объяснили ему двадцать четыре книги (Священного Писания), Мишну, Талмуд и весь порядок молитв».

Хазарская аристократия в дальних провинциях восстала против центральной власти. На ее стороне были христиане и мусульмане; восставшие призвали на помощь мадьяр из-за Волги, а Овадия нанял кочевников-гузов. Византийский император и историк Константин Порфирородный писал об этом: «Когда у них произошло отделение от их власти и разгорелась междоусобная война, центральная власть одержала верх, и одни из восставших были перебиты, а другие бежали». Иудаизм продолжал оставаться государственной религией, евреи жили в спокойствии на территории Хазарского каганата.

Историки тех времен отмечали веротерпимость правителей-иудеев Хазарии; под их властью мирно жили последователи разных религий. Арабский географ ал-Истахри, из «Книги стран»: «Хазары – магометане, христиане, евреи и язычники; евреи составляют меньшинство, магометане и христиане – большинство, однако царь и его придворные – евреи. Простой народ состоит главным образом из язычников, почитающих идолов… Нельзя выбрать каганом лицо, не принадлежащее к еврейской религии».

Арабский историк ал-Масуди отметил в книге «Промывальни золота»: в столице Хазарского царства «семь судей, двое из них для мусульман, двое для хазар, которые судят по закону Торы, двое для тамошних христиан, которые судят по закону Евангелия, один же из них для славян, русов и других язычников, он судит по закону языческому, то есть по разуму». А в «Книге климатов» арабского ученого ал-Мукаддаси сказано совсем просто: «Страна хазар

лежит по ту сторону Каспийского моря, очень обширна, но суха и неплодородна. Много в ней овец, меда и евреев».

Были попытки сделать христианство государственной религией Хазарии; в 860 году туда отправился знаменитый Кирилл – создатель славянской письменности. Он принял участие в диспуте с мусульманином и иудеем; хотя в его «Житии» написано, что он победил в споре, каган не переменил религию, и Кирилл вернулся ни с чем. «Наши глаза устремлены к Господу, Богу нашему, и к мудрецам израильским, к академии, которая находится в Иерусалиме, и к академии, которая в Вавилонии», – писал каган Йосеф в своем письме. Узнав о том, что мусульмане в своих землях разрушили синагогу, хазарский каган приказал разрушить минарет главной мечети в Итиле и казнить муэдзина. При этом он сказал: «Если бы я, право же, не боялся, что в странах ислама не останется ни одной не разрушенной синагоги, то разрушил бы и мечеть».

После принятия иудаизма у Хазарии сложились самые неприязненные отношения с Византией. Сначала Византия натравила на хазар аланов, затем печенегов, а потом на них пошел киевский князь Святослав, который и победил хазар. Историки объясняют по-разному причины падения Хазарского каганата. Одни считают, что это государство ослабело в результате постоянных войн с окружающими его врагами. Другие уверяют, что принятие хазарами иудаизма – миролюбивой религии – способствовало снижению боевого духа кочевых воинственных племен. Есть и такие историки, которые объясняют это тем, что евреи со своей религией превратили хазар из «нации воинов» в «нацию торгашей».

Русская летопись пишет об этом, не вдаваясь в причины: «В год 6473 (965). Пошел Святослав на хазар. Услышав же это, хазары вышли навстречу во главе со своим князем Каганом и сошлись биться, и в битве одолел Святослав хазар и город их и Белую Вежу взял…» Другими словами, Святослав взял хазарский город Саркел на Дону – он же Белая Вежа, захватил, должно быть, столицу хазар Итиль и Семендер на Каспийском море, затем вернулся в Киев. «Русы разрушили и разграбили всё, что принадлежало людям хазарским», – отметил арабский историк, а после этого несколько лет подряд племена гузов беспрепятственно грабили беззащитную землю.

Хазары восстановили разрушенную столицу, но, как сообщали арабские историки, там жили уже не иудеи, а мусульмане. В конце десятого века сын Святослава Владимир опять пошел на хазар, овладел страной, наложил на них дань, и снова города Хазарии были уничтожены, столица превращена в развалины. В начале двенадцатого века монах Нестор из Киево-Печерского монастыря записал в летописном своде «Повесть временных лет»: «володеють бо Козары Руськии князи и до днешнего дне» (другими словами, русские князья владели тогда землей хазар).

Уцелели лишь хазарские владения в Крыму и на берегах Азовского моря. В 1016 году греки и славяне разрушили в Крыму последние хазарские укрепления, взяли в плен кагана Георгия Чолу, который, вероятно, был уже христианином. В 1079 году русская летопись в последний раз упоминает хазар – жителей восточной части Крыма, а в описаниях еврейских путешественников Крымский полуостров долго еще называли Хазарией.

5

Бывали случаи и до этого, когда значительная часть населения той или иной страны склонялась к иудаизму.

Особенно это проявилось в первом веке новой эры: в Риме, в районе Черного моря и в Малой Азии. Женщины окрестных народов, которые жили бок о бок с евреями, чаще принимали иудаизм, нежели мужчины, потому что их привлекало почетное положение женщины в еврейском обществе под защитой законов и обычаев. Мужчин останавливала порой боязнь обрезания, но, тем не менее, сотни тысяч неевреев, так называемых «себоменой» – «почита-

телей», соблюдали субботу, отвергали языческих богов, признавали единого Бога и основы еврейской веры, но не соблюдали всех религиозных предписаний.

В первой половине первого века новой эры иудаизм стал государственной религией в царстве Адиабена в Месопотамии, в верхнем течении реки Тигр. Перед восшествием на престол царь Изат принял иудаизм: к этому его склонил некий еврей Анания; сделала это Елена, мать Изата, а затем, по утверждению еврейского историка Иосифа Флавия, и население Адиабены. Царь Изат соблюдал законы иудаизма и отправил в Иерусалим своих сыновей, чтобы изучили еврейский язык и иудейское вероучение. В голодные годы Изат посылал в Иерусалим деньги, царица Елена закупала для голодающих зерно и финики, а царь Монобаз II израсходовал на это сокровища, собранные его предками. В ответ на упреки: «Твои родители накапливали, а ты раздаешь», он отвечал: «Мои родители копили на земле, а я на небе; они собирали деньги, а я спасаю душу».

Елена построила в Иерусалиме и Лоде великолепные здания, подарила Иерусалимскому Храму золотой светильник, который повесили над воротами Храма. Лучи восходящего солнца отражались на блестящей поверхности светильника, по всему Иерусалиму был виден его блеск: это служило сигналом к началу утренней молитвы. Во время Иудейской войны против римлян царская семья из Адиабены помогала восставшим; Иосиф Флавий сообщает, что в «рядах евреев наиболее отличившимися и доблестными были Монобаз и Кенедай, родственники Монобаза, царя Адиабены». Царь Изат и его мать Елена похоронены в Иерусалиме, в «царских гробницах», высеченных в скале и сохранившихся по сей день. (Одна из улиц Иерусалима называется «Гелени га-малка» – царица Елена.)

Иудейское царство существовало также в Южной Аравии, в Химьяре, на территории нынешнего Йемена: в начале шестого века царский дом и его подданные перешли в иудаизм, ревностно соблюдали заповеди. Это было царство, распространившее свою власть на обширные территории Аравии; его царь Зу Нувас не пропускал через свои земли в Индию византийских купцов, потому что в их стране «угнетают евреев».

Этот царь поддерживал связи с еврейскими законоучителями из Тверии, они были его посредниками в переговорах с христианами, – а христиане в отместку грозили сжечь синагоги в Тверии, если евреи не перестанут «посылать грамоты и знатных людей к царю Химьяра». Византийский император натравил эфиопов на царство Химьяр; Зу Нувас погиб в бою в 525 году, с его смертью пришел конец иудейскому царству в Южной Аравии. (В центре Иерусалима располагается небольшая улица имени Йосефа Зу Нуваса, царя Химьяра.)

Известно еще, что берберские племена Северной Африки принимали иудаизм в доисламский период, и у них существовали еврейские княжества. Могущественное племя джарауа, исповедовавшее иудаизм, властвовало почти над всеми берберами Атласских гор; в конце седьмого века во главе этого племени стояла еврейская правительница Дагия ал-Кагина. Во время нашествия арабов она разбила их армию и принудила к отступлению.

Через пять лет арабы снова напали на берберов, и Дагия ал-Кагина распорядилась разрушить все берберские города, чтобы неприятель погиб в опустошенной стране. Она пала в бою с арабами возле источника воды, который в память о ней стали называть «Бир ал-Кагина».

В 1976 году в Нью-Йорке вышла в свет книга «Тринадцатое колено» английского писателя Артура Кестлера. Автор утверждал, что теперешние ашкеназы не имеют никакого отношения к «сынам Авраама», а являются потомками хазар, которые рассеялись по Европе после крушения каганата в десятом веке. По Кестлеру, ашкеназы «вышли не с Иордана, а с Волги, не из

Ханаана, а с Кавказа, а это значит, что они намного ближе к таким народам, как гунны, уйгуры или венгры, чем к семени Авраама, Ицхака и Яакова».

Если ашкеназы – не семиты, заявлял писатель, то «само слово антисемитизм оказывается лишенным смысла и представляет собой прискорбный плод недоразумения, равно разделяемого и палачами и жертвами… Эпопея Хазарского каганата, встающая сейчас перед нами из глубины веков, выявляет, пожалуй, самую жестокую шутку, какую история когда-либо сыграла с человеком».

Эту теорию изобрел не А. Кестлер. В конце девятнадцатого века подобное предположение высказал в России Максимилиан Гумплович в очерках «Начало еврейской веры в Польше». Затем то же самое пытался доказать профессор Тель-Авивского университета А. Полак в научном труде «Хазария» (1951 год). Однако современные ученые – на основании многочисленных данных – убедительно доказывают, что евреи расселялись по Западной Европе еще до распространения иудаизма в Хазарии; во времена позднего Средневековья ашкеназские евреи начали переселяться из Центральной Европы в Польшу, Литву, Украину и Белоруссию, где образовали еврейские общины. А некоторое количество хазар, перешедших в иудаизм, стало, возможно, частью крымского, северокавказского и южнорусского еврейства и было поглощено ими.

Теорию о хазарском происхождении евреев-ашкеназов использовали арабские лидеры в 1947 году, сопротивляясь разделу Палестины на арабское и еврейское государства. Эту теорию распространяют и антисионистские организации для доказательства того, что у еврейского народа нет исторического права на Эрец Исраэль.

В девятнадцатом веке в Тамани обнаружили еврейские надгробные памятники, на лицевой стороне которых были выбиты традиционные еврейские символы – семисвечник, шофар, жезл Аарона, а на обратной стороне – символы нееврейские. Они напоминают племенные знаки тюрок-степняков, выжигаемые на телах их лошадей, знаки собственности – тавро. Многие памятники на кладбище возле Тамани имели на оборотной стороне нееврейские символы, и можно предположить, что в тех могилах были похоронены хазары-иудеи.

В конце двадцатого века на шведском острове Готланд археологи обнаружили клады давних времен, когда жители острова вели обширную торговлю со странами Европы. Эти клады содержали среди прочего множество арабских монет, которые вошли в обращение с восьмого века, а впоследствии их чеканили в монетных дворах разных странах. Среди них оказались, как полагают исследователи, монеты хазарской чеканки середины девятого века; на них можно прочитать надписи на арабском языке «ард ал-Хазар» – «Страна хазар», а также «Муса расул Алла», что означает «Моисей – посланник Бога» (взамен «Мухаммад расул Алла» – «Магомет – посланник Бога» на монетах арабского изготовления).

Очерк третий
Хазары и славяне. Евреи и Киевская Русь. Нашествие монголов

Игумен Печерского монастыря Феодосий «имел следующее обыкновение: многократно ночью вставал и тайно от всех ходил к жидам и спорил с ними о Христе; укорял и досаждал им, называя их отступниками и беззаконниками, желал быть убитым ими за исповедание Христа».

1

Отношения Хазарии и древней Руси вызывают по сей день споры исследователей. Одни полагают, что Хазарский каганат стал защитительной оградой, за которой могла возникнуть и развиваться Киевская Русь, не опасаясь разрушительных набегов кочевников. Другие утверждают, что хазары оказали негативное влияние на славян, особенно после того, как их правители приняли иудаизм. Споры принимают порой ожесточенный характер, вплоть до антисемитских высказываний, что вряд ли допустимо в исторических исследованиях.

Контакты между хазарами и славянами происходили с давних времен, потому что это были народы-соседи. Славянские купцы спускались по Волге к хазарской столице, проникали на восточные берега Каспийского моря, привозили на верблюдах свои товары в Багдад. Русский историк В. Ключевский писал: «Хазарское иго было для днепровских славян не особенно тяжело и нестрашно. Напротив, лишив восточных славян внешней независимости, оно доставило им большие экономические выгоды. С тех пор для днепровцев, послушных данников хазар, были открыты степные речные дороги, которые вели к черноморским и каспийским рынкам. Под покровительством хазар и пошла бойкая торговля из Приднепровья».

В восьмом веке хазары стали брать дань с восточных славян. Сказано в русской летописи: «Хазары брали дань с полян и с северян, и с вятичей, брали по серебряной монете и по белке с дыма», то есть с каждого дома – по шкурке белки и по серебряной монете. Затем поляне освободились от этой подати, о чем упоминает летопись: «Поляне были притесняемы древлянами и иными окрестными людьми. И нашли их хазары… и сказали: «Платите нам дань». Поляне, посовещавшись, дали от дыма по мечу. И отнесли их хазары к своему князю… Сказали старцы хазарские: «Не добрая дань эта, княже: мы доискались ее оружием, острым только с одной стороны, то есть саблями, а у этих оружие обоюдоострое, то есть мечи: станут они когда-нибудь собирать дань с нас и с иных земель»…».

Хазары отступились от полян и взамен обложили данью радимичей, другое славянское племя. В русской летописи есть упоминание о том, что в 885 году «послал Олег к радимичам, спрашивая: «Кому даете дань?» Они ответили: «Хазарам». И сказал им Олег: «Не давайте хазарам, но платите мне». И дали Олегу по щелягу, как раньше хазарам давали».

В каирской синагоге, в ее хранилище, было найдено письмо на пергаменте, которое написали киевские евреи. Современные ученые определили, что письмо на иврите относится к первой половине десятого века; если их заключения верны, это означает, что самый ранний обнаруженный достоверный документ, относящийся к истории Киева, написан на иврите и исходит от еврейской общины города.

В своем письме евреи Киева оповещали евреев рассеяния, что некий Яаков бар Ханука «стал жертвой жестокой судьбы: его брат пошел и взял ссуду у иноверцев, а Яаков стал его

поручителем. Брат отправился в дорогу, но пришли разбойники и убили его, и забрали его деньги. Тогда пришли кредиторы и взяли Яакова, на шею его наложили железные оковы и сковали ноги его. И там пробыл он целый год. А потом мы взяли его на поруки, заплатили шестьдесят монет, а еще осталось долгу – сорок монет».

С этим сопроводительным письмом Яаков бар Ханука отправился по еврейским общинам мира, чтобы собрать недостающие деньги, и, возможно, дошел до Каира. «Господа наши… – написано было в письме. – Последуйте доброму обычаю… И Всевышний благословит вас и восстановит Иерусалим в ваши дни, и принесет избавление вам, и нам вместе с вами». В нижнем углу письма имеется пометка тюркскими рунами, которую сделал, по всей видимости, хазарский чиновник: «Хокурум» – «Я прочитал». На основании этого письма можно предположить, что в первой половине десятого века в Киеве уже существовала община евреев; в сопроводительном письме указаны их имена, как традиционно еврейские: глава общины Авраам, Ицхак, Реувен, Иегуда, Йосеф, Моше, Шмуэль, так и имена хазарские: Кьябар, Манас, Манар и Кофин.

После разгрома Хазарского каганата евреи, его населявшие, рассеялись по разным странам. Был у них один путь – в Крым. Был другой путь – на Кавказ. Третий путь – возможно, в Среднюю Азию, в Хорезм. Некоторые беглецы оказались даже в Испании; об их потомках упоминал в середине двенадцатого века еврейский историк из Толедо Авраам ибн Дауд: «Мы видели в Толедо некоторых сыновей их сыновей – ученых…»

Был еще путь из Хазарии к Киеву, где жили тогда евреи. Русский историк восемнадцатого века В.Татищев сообщал, что победитель Хазарского каганата Святослав увел в полон в Киев большое количество хазар и расселил их по разным местам, – среди них, наверно, оказались и евреи.

2

Евреи приходили в Киев не только с востока или из Крыма, но и из европейских стран. С девятого века через славянские земли проходили купцы-евреи, которых арабские историки называли раданитами; они вели обширную торговлю Европы с Азией.

Арабский географ ибн Хордабех, из «Книги путей и государств»: «Путь купцов-евреев раданитов, которые говорят на персидском, греческом, арабском, французском, андалузском, славянском языках: они путешествуют с запада на восток и с востока на запад морем и сушей. Они возят евнухов, служанок, мальчиков, шелк, меха и мечи, садятся на корабли во Франции на Западном море, отправляются затем в Джидду, Индию и Китай. На обратном пути они берут мускус, алоэ, камфару, корицу и возвращаются в страну франков».

Раданиты везли товары разными путями, в том числе и через славянские земли, к хазарам в Итиль, а оттуда через Каспий – в Индию и Китай. Киев был узловой станцией на торговом пути, в еврейских источниках этих купцов называли «голхей русия» – идущие в Русь. Так встретились на территории Киевской Руси евреи из Европы и Хазарии. Они составляли группу свободных людей, которые занимались транзитной торговлей, что было чрезвычайно выгодно киевским князьям.

Евреи пользовались свободой передвижения, жили преимущественно в городах, в особых кварталах. В Киеве было два квартала, один из которых назывался Козаре, а другой – Жидове. Возле второго квартала находились Жидовские ворота, которые упоминаются в русской летописи за 1151 год: защищая Киев от половцев, «Изяслав Давыдович стал меж Золотых ворот и Жидовскых, а Ростислав перед Жидовскими вороты».

В русской летописи говорится, что в 986 году евреи из Хазарии – «Жидове Козарстии» – приехали к великому князю Владимиру, чтобы склонить его к принятию иудаизма. «А где земля ваша?» – спросил их князь. «В Иерусалиме», – ответили евреи. «Вы разве там живете?» –

«Нет, – сказали они, – ибо разгневался Бог на предков наших и рассеял нас по странам за грехи наши…» Тогда Владимир произнес такие слова: «Как же вы других учите, когда сами отвержены Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас, то вы не были бы разбросаны по чужим землям. Разве вы и нам думаете такое зло причинить?» И Владимир, как известно, выбрал христианство.

Церковь боролась с еврейским влиянием, и митрополит Илларион написал в 1050 году полемическое сочинение против иудейской религии «Слово о законе Моисеевом и о благодати Иисуса Христа». Игумен Печерского монастыря Феодосий поучал христиан жить в мире с друзьями и врагами, «но со своими врагами, а не с Божьими… Божьи суть враги: жидове, еретицы, держащие кривую веру». Этот же самый Феодосий «имел следующее обыкновение: многократно ночью вставал и тайно от всех ходил к жидам и спорил с ними о Христе; укорял и досаждал им, называя их отступниками и беззаконниками, желал быть убитым ими за исповедание Христа», чтобы обрести мученический венец. Евреи его не убили, но спорили с ним и защищали свою веру.

Киевский митрополит Иоанн II запрещал продажу евреям рабов-христиан – из боязни, что их обратят в иудейство: «Христианина нельзя продавать ни жидовину, ни еретику, а кто продаст жидам – беззаконник». Из Византии проникали на Русь постановления соборов, направленные против иноверцев, и в уставе князя Ярослава есть закон об отлучении от церкви за сожительство христианина с «бусурманкою или с жидовкою».

Но, тем не менее, положение евреев в Киеве было достаточно прочным. Князь Изяслав перевел рынок с Подола, нижней части города, в верхнюю его часть, где жили евреи, за что они уплатили ему большие деньги. В конце одиннадцатого века число евреев в Киеве увеличилось, несмотря на мор, голод, набеги половцев: по всей видимости, туда переселились евреи из Центральной Европы, спасаясь от преследований крестоносцев.

Великий князь Святополк II хорошо относился к евреям, но после его смерти толпа возмутилась против его жены и приверженцев; громили не только бояр, но разгромили и еврейский квартал – в 1113 году: «Кияни же разграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на Жиды и разграбиша». Историк В. Татищев отмечал, что во время смуты евреи заперлись в синагоге, выдержали осаду до прихода Владимира Мономаха.

В 1124 году был в Киеве большой пожар; летопись сообщает, что выгорел почти весь город «и Жидове погореша». У В. Татищева есть упоминание о том, будто Владимир Мономах велел «из всея Русския земли всех жидов со всем их имением выслать и впредь не впущать; а есть ли тайно войдут, вольно их грабить и убивать… С сего времени жидов в Руси нет, и когда который приедет, народ грабит и убивает…» Но этот факт оспаривают другие историки.

Евреи жили не только в Киеве, но и в Волынской, в Галицкой землях, появлялись они и в северо-восточной Руси. При дворе великого князя Андрея Боголюбского во Владимире в конце двенадцатого века жили Ефрем Моизич и Анбал Ясин с Кавказа, ключник великого князя – летопись причисляет их к евреям; они были участниками заговора, когда убили Андрея Боголюбского.

А потом на Киевскую Русь обрушились монголы. В 1240 году они разрушили Киев: евреи погибали вместе с другими жителями или бежали. С того года сохранился в Подолии надгробный памятник некоему Шмуэлю, на нем выбита такая надпись: «Гибель следует за гибелью. Велико наше горе. Этот памятник воздвигнут над могилой нашего учителя; мы остались, как стадо без пастыря, гнев Божий постиг нас…»

В середине тринадцатого века Киев был пуст и разорен, стояли в нем две сотни домов, и великие князья снова приглашали евреев селиться в Киеве. Сохранилось свидетельство об их присутствии на Руси в летописи за 1288 год. Рассказывая о смерти князя Владимира Васильковича, правившего во Владимире Волынском, летописец отметил: «И тако плакавшеся над

ним всемножество Володимерцев, мужи и жены и дети, Немцы, и Сурожьце, и Новгородци, и Жидове плахуся аки во взятие Иерусалиму, егда ведяхут во полон вавилонский…»

3

Евреи Киевской Руси не были оторваны от своих соплеменников на Западе и на Востоке. Они переписывались друг с другом, из страны в страну ездили купцы-евреи, даже детей своих они посылали учиться из Киева в Европу.

Сохранилось имя рабби Ицхака из Русии, который учился в городе Вормсе, в Германии, а Ашер бен Синай из Русии учился в испанском городе Толедо. Рабби Моше из Киева был либо учеником в иешиве рабби Яакова Тама, крупнейшего авторитета французского и германского еврейства, либо встречался с ним во время своих поездок по Европе; этот же рабби Моше переписывался с главой иешивы в Багдаде. Известно еще, что некий еврей из Русии, у которого родным языком был славянский, встретился в Салониках со своим родственником. Тот с восторгом описал ему свое путешествие в Эрец Исраэль, и под впечатлением этого рассказа еврей из Русии тоже решил отправиться туда.

В 1062 году побывал на Святой Земле монах Киево – Печерского монастыря Варлаам. В 1115 году игумен Даниил из Чернигова приехал в Иерусалим, которым владели крестоносцы. Он написал путевые заметки под названием «Странник или Хождения Даниила русскыя земли игумена», первое в русской литературе описание Святой Земли, где пробыл два года. Даниил встретил там паломников – «русских сынов», среди которых оказались новгородцы и киевляне; он восторгался видом Иерусалима с Масличной горы: «никто не может не прослезиться»; описал тяготы путешествия из Иерусалима в Назарет: «путь тот тяжек вельми, и непроходен, и тесен», потому что «погании срацины мнози сидят в горах тех… и из тех гор и сёл тех страшных выходят и избивают странных (странников)».

Паломники на Руси – «калики перехожие» – собирались в «дружины» и шли в Иерусалим через Константинополь: «ходу полтора годы». Воспоминание об их путешествиях сохранилось в русских былинах: Добрыня Никитич, к примеру, «игриво играл от Царяграда, другое играл от Иерусалима», или: «Заиграл Добрыня по-умильному да по-уныльному, заиграл он по-еврейски…»

В двенадцатом веке побывала в Иерусалиме полоцкая княгиня Евфросинья, а в семидесятых годах четырнадцатого века – архимандрит Аграфений из смоленского монастыря. Он оставил подробное описание страны и христианских святынь, а об Иерусалиме сообщил среди прочего: «Городок мал, но крепок, окопан малым рвом, ворота имеет единые с востока – железные».

В конце четырнадцатого века дьякон Игнатий написал сочинение под названием «Хождение в Иерусалим»; в том же веке на монаха Зосиму напали разбойники по пути к Мертвому морю, и он отметил в своих записках: «За Иерусалим никто пойти не может из-за злых арабов, потому что бьют без милости». Сохранилось описание путешествия новгородского монаха Варсонофия в пятнадцатом веке; существуют записи последующих веков смоленского купца Василия Познякова, московских купцов Трифона Коробейникова и Юрия Гракова, иеромонаха Ионы и «убогого Василия Казанца по прозвищу Гагара».

В 1710 году Петр Первый подписал «Проезжую грамоту» московскому священнику Иоанну Лукьянову, отпущенному «для моления… во святый град Иерусалим», чтобы ему в пути «досада и озлобление да не чинится». Путевые записи Лукьянова начинаются со слов: «Се аз недостойный и грешный старец Иоанн… понужден мыслию своею, и нетерпением восходить» в Иерусалим.

В двенадцатом-тринадцатом веках в Киевской Руси перевели с греческого на древнерусский язык «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, еврейского историка первого века новой эры, а частичные переводы из Флавия относятся к одиннадцатому веку. Специалисты отмечают то влияние, которое оказал перевод «Истории иудейской войны» на такие русские литературно-исторические памятники, как «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели русской земли» и «Задонщина».

На древнерусский язык было переведено и другое еврейское историческое повествование десятого века – «Иосиппон». Его перевели с иврита в двенадцатом веке, а отрывки из него включены в русскую летопись «Повесть временных лет» под датой 1110 год. С иврита переводились и библейские тексты из книг Эстер, Даниила, Песни песней, а также сказания о Моисее и царе Соломоне. Влияние этих переводов с иврита прослеживается в тогдашнем языке. Например, в переводе «Иосиппона» употреблен глагол «взыти» – взойти, подняться – при обозначении движения к Иерусалиму. Это полностью соответствует глаголу на иврите «ала» – подниматься, идти наверх, потому что на иврите не говорили: «идти в Иерусалим», но – «подниматься в Иерусалим».

В 1282 году для новгородского епископа Климента был составлен еврейско-русский словарь; он назывался так: «Речь жидовского языка, переложена на русскую, неразумно на разум, и в Евангеле и в Апостолех, и в Псалтыри, и в прочих книгах».

Сюжет новгородской былины о Садко – торговом госте имеет свой прототип, библейский рассказ об Ионе, которого корабельщики сбросили в бурю с корабля. Еще дореволюционные русские ученые полагали, что основой для имени героя – Садко послужило еврейское имя Цадок в значении «справедливый, праведный».

Интерес к Святой Земле был постоянен в России, особенно он возрос в девятнадцатом веке, о чем свидетельствуют издания книг.

«Хождения старца Арсения Суханова в 7157 году во Иерусалим и в прочие святые места…» (издано после 1652 года), «Путешествие в Святую Землю» (издание 1710 года), «Путевые записи во святой град Иерусалим» (1813 г.), «Иерусалим и Синай» (1835 г.), «Очерки Иерусалима» (1837 г.), «Путешествие русских людей по Святой Земле» (1839 г.), «История святого града Иерусалима» (1844 г.), «Путеводитель по Иерусалиму и его окрестностям» (1863 г.), «Пять дней на Святой Земле» (1866 г.), «Синай и Палестина» (1877), «Поездка в Иерусалим» (1887 г.), «Святая Земля и Библия» (1894 г.) и другие книги.

Кирилл, создатель глаголицы – славянского алфавита, знал иврит. Для большинства букв он использовал греческие прототипы, однако написание четырех букв – «ш», «щ», «ц» и «ч» – позаимствовал из иврита. Сравните написание букв «ш»/«щ» с буквой «шин» – ש, а букв «ц»/«ч» с буквой «цади» – צ, и вы убедитесь в этом.

Очерк четвертый
Евреи Центральной Европы. Крестовые походы. Ритуальные наветы. Погромы, убийства и изгнания. Начало переселения на восток

«О небо, чем же мы хуже других народов? Разве сила камня – наша сила, разве из меди плоть наша, чтобы перенести тяжесть наших бедствий?.. Спросите всех жителей земли: было ли что-либо подобное с другим народом?»

1

С тринадцатого по пятнадцатый век определилось направление еврейской эмиграции в Европе – с запада на восток. Евреи уходили из Центральной Европы, с берегов Рейна, на южные и восточные германские земли, а оттуда в Богемию, Моравию, Польшу и Литву. И о причинах этого следует рассказать.

Ничто, казалось, не предвещало столь поспешного бегства; еще в одиннадцатом веке положение евреев в Центральной Европе было относительно благополучным. Они занимались торговлей между городами и странами, ссужали деньгами под проценты, были ремесленниками, считались незаменимым элементом в процессе заселения и развития городов. Их приглашали, им давали привилегии, в них были заинтересованы правители земель и стран.

В 1084 году Рюдигер, епископ города Шпейера, пригласил несколько еврейских семей в один из пригородов, которые намеревался заселить. Он обещал евреям свободу торговли, право вести собственный суд, владеть полями и виноградниками, право носить оружие, защищая себя, – в выданной им привилегии было сказано: «Я тысячекратно увеличу славу города, если приведу и евреев в его пределы». А через несколько лет после этого германский император Генрих IV подтвердил привилегии, данные епископом, теперь уже для двух городов – Шпейера и Вормса.

В европейских странах евреи считались «королевскими рабами», «рабами королевской казны» (servi camerae). Они выплачивали огромные налоги, превышавшие налоги с других горожан, а если короли особо нуждались в деньгах, то облагали «рабов своей казны» добавочными поборами или конфисковывали их имущество. Но при этом короли защищали евреев и обеспечивали их неприкосновенность от посторонних посягательств, – то, что разрешалось королям, не дозволялось другим. Жизнь была как на качелях: то вверх – к относительному благополучию, то вниз – к преследованиям с притеснениями. Вопрос был в том, как долго удавалось продержаться наверху, как часто приходилось опускаться вниз.

В девятом веке епископ города Лиона Агобард писал, обращаясь к Людовику Благочестивому: «Недостойно для нашей веры, чтобы сыны света навлекали на себя тень общением с сынами тьмы. Непристойно, чтобы церковь Христова, которая должна вступить в объятия своего небесного супруга без пятен и морщин, была обезображена прикосновением грязной, ветхой, отверженной синагоги… Пусть же они (евреи) будут прокляты в городе и в поле, у входа и у выхода, пусть будет проклят плод их внутренностей».

Епископ Амолон, преемник Агобарда, «стремясь защитить христианский народ», требовал, «чтобы верные христиане держались от евреев подальше, чтобы ни один христианин не работал на них ни в городе, ни в деревне», запретил «прикасаться к их еде и питью… дабы вырвать это зло с корнем». Однако Людовик Благочестивый защищал евреев от нападок духо-

венства и сохранил к ним расположение, даже когда Бодон, личный духовник короля, перешел в иудейскую веру, женился на еврейке, принял имя Эльазар и уехал в Испанию.

Придворного врача-еврея Цидкию обвинили в том, что он плохо лечил короля Карла Лысого, а через сто лет после этого еврейских врачей обвиняли в отравлении короля Гуго Капета. В двенадцатом веке король Филипп Август изгнал евреев, конфисковал их дома и земли, а синагоги превратил в церкви. Потом ему понадобились деньги, и он опять разрешил евреям вернуться во Францию, а Людовик Святой заставил их носить отличительный знак – кусок красного фетра в виде круга на спине и на груди, чтобы можно было отличить от христиан.

В тринадцатом веке папский легат Арнольд, предводитель фанатичной толпы, убивал во Франции сектантов-еретиков, а заодно и евреев. Его девизом было: «Бейте всех, а Бог на небе уж отберет своих!» В 1277 году в Тулузе был сожжен раввин Ицхак Маль за то, что похоронил на еврейском кладбище некоего крещеного еврея, раскаявшегося перед смертью. В 1288 году в городе Труа сожгли ученого еврея Ицхака Шателена, его беременную жену, двух сыновей и еще девять евреев, обвиненных в ритуальном убийстве. Среди них был и некий хирург Хаим, «возвращавший зрение слепым». Все они отказались креститься, чтобы получить помилование, и пошли на смерть, распевая псалмы.

Сохранилось поэтическое описание того трагического события:

С ними же был и святой Хаим,
Которого заживо жгли огнем.
От всей души призывал он Господа,
Кротко терпя мучения:
– Бог мести, отомсти за нас!
В ожидании Твоего возмездия
Дни кажутся такими бесконечными…

Король Филипп Красивый изгнал евреев из Франции в 1306 году, конфисковал их имущество и подарил своему кучеру парижскую синагогу. По королевскому приказу несколько тысяч человек покинули Францию, где их предки жили со времен Римской империи. Но их отсутствие тотчас же ощутили местные жители; даже в народных песнях отмечалось, что «евреи честнее вели свои дела, чем иные христиане», и страна обеднела без них. Людовик X призвал евреев обратно, возвратил им кладбища с синагогами – за это они ему хорошо заплатили.

При Филиппе Толстом евреев обвинили в отравлении колодцев, рек и источников: одних сожгли, других изгнали, имущество конфисковали. При Карле IV их снова выгнали из Франции, и с 1322 по 1359 год там не было евреев. Но затем срочно понадобились деньги – для выкупа короля Иоанна Доброго, плененного англичанами, и их впустили в страну на двадцатилетний срок; при въезде каждая семья уплатила в казну по четырнадцать золотых флоринов.

Карл VI созвал народное собрание, и на нем решили, чтобы «евреи и ростовщики были изгнаны из города». Этого оказалось достаточно, чтобы устроить погром в Париже: четыре дня подряд чернь грабила, жгла, убивала; детей вырывали из рук матерей и насильно крестили. И наконец в 1394 году Карл VI изгнал евреев из Франции. Всё, что они не могли унести с собой, было конфисковано в пользу казны.

2

Евреи Северной Франции появились в Англии в одиннадцатом веке, после завоевания ее норманнами; их положение определяла статья закона Генриха I: «Да будет известно, что все

евреи должны находиться во всем государстве под защитой и покровительством короля. Никто из них не может без разрешения короля переходить к какому-нибудь богатому владетелю, ибо евреи со всем их имуществом принадлежат королю».

В соответствии с духом этого закона король Стефан велел сжечь дом одного еврея вместе с его владельцем, потому что тот отказался внести деньги на расходы короля. Но английские бароны оспаривали королевское право: каждому хотелось подкормиться за счет бесправных жителей. Бывало даже так, что бароны, обидевшись на короля, грабили еврейские кварталы, чтобы королю меньше оставалось.

В день коронации Ричарда Львиное Сердце прошли погромы в городах Англии. В Йорке евреи заперлись в крепости на краю города; монахи подстрекали нападавших, и осажденным оставалось лишь креститься или погибнуть от голода. Рабби Йом Тов убедил евреев убить друг друга и тем самым избавиться от мучений: «Если мы попадем в руки врагов, наша смерть будет не только ужасна, но и позорна. Они будут не только мучить нас, но и глумиться над нами. Мой совет поэтому таков: Творец дал нам жизнь, и мы должны возвратить ее Ему собственными руками».

Еврей Иосце первым заколол свою жену и двух детей, а затем рабби Йом Тов убил его. Почти все евреи погибли таким образом, и напоследок рабби Йом Тов покончил с собой, став единственным самоубийцей среди добровольно погибших. Толпа, осаждавшая крепость, сожгла все долговые обязательства, а это был урон для казны, потому что король – наследник еврея-кредитора – не знал, с кого взимать долг, и оставался в убытке. Ричард Львиное Сердце сделал из этого выводы и приказал устанавливать в больших городах специальные сейфы. Каждое долговое обязательство выдавалось еврею в двух экземплярах: один – ему на руки, другой – в сейф к королю. Теперь уже еврея могли убивать и грабить: король был застрахован от любых случайностей и получал все долги сполна.

Иоанн Безземельный потребовал у евреев огромную сумму, и когда один из них, Авраам из Бристоля, затруднился выплатить свою часть, король приказал выдергивать у него зубы, по одному в день. Несчастный продержался семь дней, потерял семь зубов, а затем уплатил сполна. При Генрихе III евреев заставили носить отличительный знак: шерстяную белую полосу на груди. Король конфисковал вновь отстроенную лондонскую синагогу, превратил ее в церковь и обозначил 25 городов, в которых евреям разрешалось жить.

Было тогда в Англии лишь 16 000 евреев, но доходы с них составляли тринадцатую часть всех доходов казны. Король даже продал их своему брату, уступив за 5000 фунтов все права над ними на один год. Как заметил летописец-христианин, король «содрал шкуру с евреев и предоставил графу (своему брату) выпотрошить их». Евреи хотели покинуть страну, но комендантам морских портов не велели выпускать их из Англии без разрешения короля. Британский правовед отметил в тринадцатом веке: «Еврей не может иметь никакой собственности; всё, что он приобретает, становится собственностью короля. Евреи живут не для себя – для других, поэтому они делают приобретения также не для себя, а для других».

Наконец Эдуард I приказал изгнать евреев из страны до первого ноября 1290 года, смертная казнь грозила тому, кто остался бы на английской земле после этой даты. Евреям разрешили взять с собой только то, что они могли унести. Имущество конфисковали. В пути их грабили капитаны судов. Многие погибли в море. Большая часть ушла во Францию, а оттуда через шестнадцать лет, в царствование Филиппа Красивого, им снова пришлось уходить в изгнание.

Рабейну Гершом бен Иегуда, оплакивая еврейскую судьбу, писал в одиннадцатом веке: «Рассеяние за рассеянием, вся Иудея в изгнании, больная, истощенная, всеми позабытая. Ты, Всесильный Избавитель, ради Себя освободи нас!.. Восстанови на наших глазах опустошенный Храм, верни из плена шатры Яакова, спаси нас ради Имени Твоего!»

3

Из века в век борьба церкви против евреев всё более усиливалась. Церковные авторитеты требовали унижать, угнетать и притеснять евреев всеми возможными способами, чтобы заставить их принять крещение. Угнетенное еврейство было, по их мнению, лучшим доказательством истинности христианства, к которому, как они утверждали, перешло прежнее величие Израиля.

Один из вдохновителей крестовых походов писал королю Франции: «Я не требую, чтобы этих людей, над которыми тяготеет проклятие, предавали смерти, ибо сказано в Писании: не убивай! Бог не хочет, чтобы их искоренили, а только чтобы они, подобно братоубийце Каину, продолжали существовать для великих мук и для великого позора, так, чтобы жизнь была им горше смерти. Они зависимы, жалки, придавлены, боязливы – и должны оставаться такими, пока не обратятся на путь спасения!»

В одиннадцатом веке объявились в Европе проповедники похода христиан против мусульман для освобождения Святой Земли и Иерусалима. Петр Пустынник из Амьена встал во главе многотысячной толпы верующих: это были рыцари, монахи, крестьяне, разбойники. Они бросали свои дома, пришивали на одежду кресты и шли воевать с «неверными», возглашая: «Такова воля Господа!». Эта неорганизованная масса, раздробленная на мелкие отряды, двинулась на Восток, грабя и разоряя всё на своем пути. Так начался Первый крестовый поход, и его жертвами сразу же стали евреи.

«Восстал народ дикий, отчаянный, ожесточенный, сброд французов и германцев… – писал еврейский летописец. – И собралось таких людей великое множество – мужчин, женщин и детей. Проходя через города, где жили евреи, они говорили: «Мы идем отомстить исмаилитам, а тут перед нами евреи, предки которых распяли нашего Спасителя, – отомстим прежде им! Пусть сотрется имя Израиля или же пусть они уподобятся нам и признают мессией Иисуса»…» Общины платили деньги епископам и начальникам городских гарнизонов, но посланные на помощь солдаты отказывались защищать евреев, оставляя их на произвол судьбы.

Весной 1096 года 23 еврея были убиты в французском городе Меце. Затем отряды крестоносцев двинулись по немецким землям, и начались массовые убийства. В мае того же года 11 евреев, отказавшихся креститься, были убиты в Шпейере. В Вормсе после вооруженного сопротивления погибли все евреи города, кроме насильно крещенных. Некий Шмарья, отказавшийся креститься, был заживо зарыт в землю вместе со своей семьей при радостных криках толпы. Юноша Симха Коэн в церкви, во время насильственного крещения, заколол кинжалом трех человек – толпа растерзала его. Укрывшимся у епископа предложили принять крещение, но они попросили время на размышление; когда срок прошел, обнаружили, что они убили себя.

Затем крестоносцы подошли к Майнцу; евреи пытались остановить их у ворот города, затем у ворот своего квартала. Вооруженные мечами, они сражались под предводительством главы общины Калонимоса, но не могли противостоять многочисленным и искусным в военном деле рыцарям, – те ворвались в еврейский квартал и перебили всех. Ицхак бен Давид, насильно крещенный вместе со своей семьей, зарезал дочерей, поджег синагогу и сгорел в огне, потому что христиане предполагали превратить синагогу в церковь.

Группа евреев пряталась у местного епископа, но когда он заявил, что не может их защищать, и предложил креститься – они умертвили друг друга. Современник событий писал: «Женщины набрались мужества и зарезали своих сыновей и дочерей, а потом самих себя. Мужья зарезали жен и детей. Девушки, невесты и женихи громко кричали из окон: «Смотри, Боже, что мы делаем ради Твоего святого Имени!..» И смешалась кровь родителей с

кровью детей, кровь братьев и сестер, учителей и учеников, женихов и невест, грудных детей и кормилиц…» На этом прекратила существование еврейская община города Майнца. Забегая вперед, скажем, что через самое малое время в городе снова поселились евреи, но их преследовали и убивали во времена Второго и Третьего крестовых походов.

Крестоносцы свирепствовали с мая по июль 1096 года между Рейном и Дунаем, а затем пошли на юг. По примерным подсчетам, около 4000 евреев Германии были убиты и покончили жизнь самоубийством, по некоторым источникам – 12 000. Цифры эти окажутся особенно впечатляющими, если учесть, что во всей Германии жило тогда не более 30 000 евреев. Христианские хронисты посвятили немало строк тем трагическим событиям. «Бесчисленная толпа… шла на Иерусалим с оружием в руках и заставляла евреев принимать крещение, убивая во множестве тех, кто отказывался от этого…», – «Пока крестоносцы ожидали снаружи их ответа, евреи, искушаемые дьяволом, совершили самоубийство в резиденции епископа…», – «Вызывало жалость зрелище многочисленных нагромождений трупов, которые вывозили на телегах из города Майнца…» И краткая запись в летописи: «Была резня, евреев окрестили».

В июле 1099 года крестоносцы взяли Иерусалим. Они перебили в городе мусульман без различия пола и возраста, большинство еврейского населения сожгли в синагоге, а остальных продали в рабство. Так закончился Первый крестовый поход: вырезанные и уничтоженные еврейские общины Европы и горстки отчаявшихся, которых насильно обратили в христианство. (В Регенсбурге, к примеру, евреев загнали в реку, приложили к поверхности воды крест и силой окунули всех в воду.) Насильно крещенные вернулись к вере отцов, получив согласие императора Генриха IV, а на очереди был Второй крестовый поход – в 1147 году, за ним Третий крестовый поход – в 1189 году, Четвертый, Пятый, Шестой… и новые жертвы среди еврейского населения Англии, Франции, Германии, новый страх, который гнал с насиженного места.

Некий Моше бен Эльазар га-Коэн писал после этих событий: «О небо, чем же мы хуже других народов? Разве сила камня – наша сила, разве из меди плоть наша, чтобы перенести тяжесть наших бедствий?.. Терзали нас прежде лев и медведь, губил наших детей свирепый тигр, жалила нас змея шипящая, но напоследок грызет свинья, навалившаяся на нас… Спросите всех жителей земли: было ли что-либо подобное с другим народом?»

4

С середины двенадцатого века стали обвинять евреев в совершении ритуальных убийств. В 1144 году в английском городе Норвиче был объявлен святым мучеником христианский мальчик Вильям, которого якобы убили местные евреи. Королевский шериф не разрешил судить оклеветанных, но монахи распространяли слухи об убийстве и ссылались на некоего выкреста, который уверял, что евреи ежегодно похищают перед Пасхой христианского мальчика и употребляют его кровь для изготовления мацы. Слухи дали свои результаты, и в 1171 году 34 еврея города Блуа во Франции были обвинены в ритуальном убийстве и сожжены в деревянной башне, потому что отказались отступить от своей веры.

Стоит отметить, что подобное обвинение предъявляли римляне первым христианам, которых уличали в умерщвлении детей, чтобы причащаться кровью и телом языческого младенца. Были даже «свидетели», были обманщики или душевно больные люди, которые утверждали, что видели это собственными глазами. «Стыдитесь! – взывал Иустин Мученик, один из отцов церкви во втором веке новой эры. – Стыдитесь приписывать такие преступления невинным людям, к которым они непричастны! Перестаньте! Образумьтесь!» – «Где же у вас доказательства? – вторил ему в третьем веке христианский теолог Тертуллиан. – Одна молва… Но свойства молвы известны всем… Она живет только ложью. Кто же верит молве?» Однако эта молва оказалась чрезвычакйно живучей. Она продержалась много веков, но теперь уже поме-

няла адрес, и те самые христиане, что страдали некогда от нелепых нападок, стали обвинять евреев – в том же самом.

В 1235 году евреев немецкого города Фульды обвинили в убийстве христианских детей. Император Фридрих II созвал ученых из среды крещеных евреев Западной Европы, и они заявили, что еврейская религия категорически запрещает убийство человека, даже употребление крови животных противоречит еврейским законам. На основании этого заключения Фридрих II опубликовал особое послание, но оно не помогло. В 1247 году во французском городе Вальреас нашли тело двухлетней христианской девочки с ранами на лбу, руках и ногах. Евреев города арестовали и подвергли пыткам: мужчинам вырывали половые органы, женщинам отрезали груди, многих, в конце концов, сожгли на костре. После этого папа Иннокентий IV издал специальную буллу, осуждающую ложные обвинения и казни евреев, «так что их судьба оказывается еще хуже, чем жизнь их предков в Египте», – но буллы хранятся в архивах, а суеверия продолжают существовать из века в век.

В 1255 году в английском городе Линкольне пропал христианский мальчик Гуго. Труп обнаружили в колодце во дворе у еврея, и 18 человек повесили за совершение якобы ритуального убийства, а их имущество конфисковали. В 1267 году в немецком городе Пфорцгейме нашли в пруду мертвую девочку. «Народ тотчас решил, что виновники убийства евреи, – писал один из обвинителей. – Когда приехал маркграф Баденский, труп поднялся, как бы умоляюще простер к нему руки, оставался в этом положении в продолжении получаса и потом опять лег. Тогда привели евреев. Едва они приблизились к трупу, как раны раскрылись, и кровь полилась заново. Когда евреи удалились, раны закрылись. Когда же их вновь притащили, покойная с покрасневшим лицом подняла вверх обе руки… Евреи были схвачены и после всевозможных пыток преданы смерти через колесование».

И снова римский папа обнародовал буллу, снова император издал особый указ, – несмотря ни на какие доводы, обвинения в употреблении христианской крови оставались излюбленным средством для грабежа, убийств и денежных вымогательств. Говорили, что евреям нужна христианская кровь, чтобы «уничтожить свой дурной запах», они эту кровь «сушат, превращают в порошок и рано утром сеют по траве, благодаря чему мрут люди и скот».

Эта тема была столь популярна в те времена, что стала сюжетом английских и французских баллад. В одной из них рассказано о христианском мальчике Гуго, который был распят евреями, брошен в поток, но труп выплыл у берега. Евреи закапывают его в землю – труп появляется на поверхности. Они кидают его в колодец, но оттуда идет такое благоухание, что сбегаются окрестные жители. Тело переносят в собор и торжественно хоронят, – евреи повешены… Другая баллада: мальчик Гуго играет в мяч. Дочка еврея заманивает его в дом, ведет через девять дверей, закалывает и бросает в колодец. Далее происходят чудеса: мать слышит голос сына из колодца, сами собой звонят колокола в городе, сами собой читаются книги без чтеца, – евреям снова плохо…

Естественно, что такая атмосфера способствовала новым погромам и убийствам. В 1241 году распространились слухи, будто вторгшиеся в Европу монголы находятся в родстве с евреями, призваны ими для того, чтобы избавиться от власти христианских народов, – по немецким городам прокатилась новая волна погромов. В Зинциге сожгли в синагоге 72 еврея. В Вайсенбурге колесовали 7 евреев по обвинению в убийстве христианского мальчика; среди них погиб и монах, перешедший до этого в иудейство. В Майнце были убиты 10 человек, в Бахарахе – 26, в Мюнхене толпа сожгла синагогу вместе с молящимися. Еврейский сборник наставлений «Сейфер хасидим» («Книга благочестивых») предписывал: «Стены дома, забрызганные кровью мучеников, не следует белить, чтобы кровь могла взывать к Небу».

В 1298 году немецкий дворянин Риндфлейш – «бычье мясо» – собрал толпы всякого сброда и громил еврейские общины. Во Франции в начале четырнадцатого века евреев обвинили в отравлении колодцев с помощью нанятых ими прокаженных; называли даже состав

ядовитого порошка: смесь жабьих лап, змеиных голов и женских волос, смоченных черной зловонной жидкостью, – новая волна гонений прокатилась по стране. В Тулузе евреи заперлись в крепости и оборонялись, а затем, чтобы избегнуть насильственного крещения, убили друг друга. У них не хватило решимости убить собственных детей – победители забрали их и окрестили.

Гонения на евреев во времена крестовых походов и кровавых наветов явились поворотным моментом в их европейской истории. В глазах толпы, которая наблюдала бесчинства крестоносцев, сама участвовала в грабежах и убийствах, евреи были поставлены вне закона. Они утратили чувство безопасности даже в укрепленных городах; стало ясно, что ни император, ни церковные власти не в состоянии обеспечить им безопасность, несмотря на обещанные привилегии. В этот период исподволь, постепенно начался отток евреев в те места, которые не были еще затронуты изуверством и фанатизмом местного населения. Единичные переселения происходили в одиннадцатом веке, более значительные в тринадцатом, массовое переселение – в пятнадцатом веке.

Путь был с запада на восток, в Польшу и Литву. И всякий раз надо было приспосабливаться на новом месте к незнакомым порядкам и обычаям. Во всякой стране проживания история евреев начинала зависеть от истории коренного народа, будучи связана с ней местом и временем. И всякий решающий момент в истории данного народа, радостный или трагический, накладывал свой отпечаток на историю евреев, там проживающих. Так было в Германии, в Англии, во Франции и Польше, а затем в России.

Но вместе с этим надо учитывать, что история евреев на новом месте, в любой стране проживания, являлась не началом, а дальнейшим продолжением многовековой истории народа, рассеянного по странам, с его опытом, вынесенным из долгого исторического пути. Как народ с твердой духовной основой, евреи никогда не доходили до такой степени обезличивания, чтобы без остатка раствориться в чьей-либо истории. Они акклиматизировались, но не растворялись, приспосабливались, но не исчезали: со своей историей, со своей культурой и со своей религией.

5

В Новый год – Рош га-Шана и в Судный день – Йом Кипур читают евреи в синагогах молитву о небесном суде над людьми в эти дни. С этой молитвой связана легенда, которая появилась в период гонений времен крестовых походов. Рассказывали: в городе Майнце жил богатый и набожный еврей рабби Амнон, которого местный епископ упорно старался обратить в христианство. Однажды, когда епископ снова надоедал рабби Амнону своим предложением, тот неосторожно ответил, что через три дня даст окончательный ответ.

В назначенный день рабби Амнон не явился к епископу, и тот велел привести его силой, чтобы наконец-то сказал: да или нет. Рабби Амнон ответил на это: «За то, что своим словом я дал тебе повод подумать, будто отрекусь от своей веры, я заслуживаю того, чтобы отрезали мне язык». Но возмущенный епископ закричал: «Не язык тебе отрежут, а ноги, которые не пошли ко мне в обещанный день!» И несчастному отрубили обе ноги.

Когда наступил Рош га-Шана, рабби Амнон попросил, чтобы его отнесли в синагогу. Во время службы он прервал вдруг кантора и запел гимн о небесном суде над человеком в дни Рош га-Шана и Йом Кипур – «У-нтанэ токеф». Потрясенные евреи слушали его с волнением и страхом, а рабби Амнон закончил свой гимн и скончался с последним его словом. Но через три дня он явился во сне к литургическому поэту Калонимосу бен Мешулламу, который действительно жил в Майнце в одиннадцатом веке, повторил молитву и попросил разослать ее всем сынам Израиля.

Калонимос написал стихи – поэтический пересказ той молитвы. Они стали частью литургического гимна «У-нтане токеф» («Возвеличим святость этого дня…») – о суде Всевышнего над Его творениями, когда «они проходят перед Ним, подобно стаду овец». С тех пор евреи читают эту молитву в Новый год – Рош га-Шана и в Судный день – Йом Кипур.

«В день Рош га-Шана намечается и в день Йом Кипур утверждается: скольким отойти и скольким явиться на свет, кому жить и кому умереть, кому в свое время и кому безвременно; кому смерть от воды и кому от огня, кому от меча и кому от лютого зверя, кому от голода и кому от жажды, кому от грозы и кому от заразы, кому от удушения и кому от побиения камнями; кому покой и кому скитание, кому беспечность и кому тревога, кому благополучие и кому терзание, кому бедность и кому богатство, кому унижение и кому возвышение.

Покаяние же, молитва и благие дела отменяют злое предначертание».

Законы Торы устанавливают суровое наказание за убийство любого человека на земле. «Кто прольет чью-либо кровь, того кровь будет пролита людьми, ибо по образу Божьему создал Он человека», – «кто ударит человека так, что тот умрет, да будет предан он смерти», – «кто лишит жизни какого-либо человека, он должен быть предан смерти». Законы Торы запрещают также вкушать какую-либо кровь. «Каждый из дома Израиля и из пришельцев, живущих между ними, кто будет есть какую-либо кровь… истреблю его из среды народа его», – «только крови не ешьте, на землю выливайте ее, как воду».

Д. Хвольсон, российский ученый-ориенталист девятнадцатого века, почетный член Петербургской академии наук: «По предписаниям раввинов, евреи обязаны при резке скота давать крови совершенно истекать… а сама говядина не может быть употреблена в пищу, пока долгим мочением, солением и неоднократным промыванием не будет освобождена от заключающейся в ней крови. Если еврей находит на куске хлеба след крови от десен, он не должен доедать его; также яйцо, в котором найдена капля крови, не может быть употреблено в пищу. Все эти постановления доныне соблюдаются евреями с величайшей строгостью».

Римские папы разных времен выступали против применения евреями христианской крови. В послании Григория XI сказано: «Впредь на евреев не должны быть возводимы обвинения, порождаемые слепым суеверием и предрассудками, а священники должны питать любовь ко всем людям, уважение и мир как к христианам, так и к евреям».

В 1447 году папа Николай V запретил «навсегда и самым строгим образом всем верующим во Христа» обвинять евреев в употреблении христианской крови, но в том же веке и по той же причине арестовали руководителей еврейской общины немецкого города Регенсбурга. Среди них оказался Авраам бар Яаков; он пробыл в тюрьме пять лет и, несмотря на пытки, сочинял на иврите стихотворения, в которых описывал свои мытарства.

Навели враги ложь на меня,
В железных оковах ноги мои,
В яму брошен я и страдаю от холода…
Прошла еще зима, за зимой прошло лето…
Милосердный среди милосердных!
Протяни руку Свою и освободи страдальцев…

Очерк пятый
Первые появления евреев в Польше. Привилегии Болеслава Благочестивого. Преследования времен «черной смерти». Переселение евреев в Польшу и Литву

В польском городе Вроцлаве нашли могильную плиту с надписью на иврите в память кантора Давида: «Рабби Давид сладкоголосый сын Сар Шалома умер 25 ава 4963». То есть – в 1203 году.»

1

Невозможно сказать с определенной достоверностью, когда евреи впервые появились на территории Польши. И там, где нет документов, нет исторических источников, в дело вступает легенда про еврея по имени Авраам Проховник.

В девятом веке умер в Польше князь Попель, с его смертью угас княжеский род. Именитые поляки собрались для выбора нового правителя, долго спорили, ссорились, никак не могли сойтись на одном кандидате и решили наконец, что польским князем станет тот человек, который на следующий день первым придет в город. Первым наутро явился Авраам Проховник, который принес на продажу мед. Стража у ворот приветствовала его как нового князя, но Авраам отклонил эту честь и лишь после настойчивых просьб отложил окончательное решение на один день.

Он заперся в доме, стал молиться, и когда назначенный срок прошел, поляки заволновались. Один из них, крестьянин по имени Пяст, заявил во всеуслышание, что заставит Авраама принять княжеский титул: взял топор и пошел во главе толпы. Пяст постучал в дверь и сказал, что время для обдумывания прошло; Авраам Проховник вышел из дома и заявил: он отказывается занять княжеский престол, так как это принесет несчастье и ему и полякам. «Вот перед вами Пяст. Сегодня он ваш вождь, значит, и впредь может быть вашим руководителем». Толпа с этим согласилась, Пяст был коронован, от него пошла династия польских князей – Пястов.

Вот другой рассказ. О том, как в конце девятого века группа немецких евреев просила у польского князя Лешко права на торговлю и поселение в его землях. Князь-язычник потребовал от них, чтобы рассказали о своем народе и о его вере: в те времена евреи были в диковинку в Польше. Князю понравилась их вера и их история, и он якобы дал им привилегию в 905 году. Хотя она была впоследствии утрачена, эта привилегия якобы легла в основу привилегии Болеслава Благочестивого в 1264 году. Слишком часто в этой истории приходится прибегать к слову «якобы», чтобы она стала достоверным историческим событием.

Из арабских источников известно, что еврейские купцы проезжали через Польшу в Россию и дальше в Азию. Через Вроцлав и Калиш в восьмом-девятом веках проходил «пушной путь» из Руси и Хазарии и «янтарный путь» – от Балтийского моря. Евреи держали в своих руках эту торговлю и могли, естественно, расселяться в узловых пунктах на ее пути. В 966 году польский князь Мечислав I принял христианство, стал вассалом германского императора; связи с Германией расширились, вместе с немцами приезжали в Польшу и евреи.

Первые докуметальные сведения о евреях Польши относятся к 1150 году; граф Петр Власт купил в том году у некоего еврея землю в деревне Малый Тынец. Сохранился акт 1202 года о том, что в деревне Сокольники возле Вроцлава владели землей два еврея – Йосеф и Хацкель. В двенадцатом веке евреи жили в Кракове, управляли монетным двором. Сохранились

монеты того времени, на них надписи на иврите: «Мешко Мелех» – Мешко-король, «Мешко крул польск» – Мешко король польский, «Браха Мешко» – благословение Мешко, «Мазл тов» – пожелание счастья. Были монеты и с еврейскими именами: «Авраам Йосеф», «Йосеф Калиш», «Рабби Авраам бен Ицхак Нагид», – возможно, это имена мастеров или тех, кто брал на откуп монетные дворы. Существовала даже польская монета с такой надписью: «Веселись, Авраам, Ицхак, Яаков».

А в городе Вроцлаве нашли могильную плиту с надписью на иврите в память кантора Давида: «Рабби Давид сладкоголосый сын Сар Шалома умер 25 ава 4963». То есть – в 1203 году.

2

В середине тринадцатого века Польша была разделена на несколько удельных княжеств. После нашествия монголов города лежали в развалинах, поля не обрабатывались. Чтобы оживить страну, князья стали приглашать к себе немцев, вместе с ними пришли и евреи – на новые земли, где им обещаны были привилегии. Из немецких и еврейских колонистов постепенно образовалось в Польше третье сословие наряду с прежними двумя – помещиками и крестьянами. Польские князья предоставили немцам полное самоуправление в городах; так сложился тип средневекового германского города на польской земле, где рядом с христианским мещанством появилась автономная еврейская община.

Привилегии евреям дал удельный князь Болеслав в городе Калише в 1264 году. Это был знаменитый Калишский статут, генеральная грамота, которая впоследствии легла в основу польского законодательства о евреях. Естественно, что Болеслав прежде всего соблюдал собственные интересы: доходы с евреев поступали в княжескую казну. У Болеслава было прозвище Благочестивый, он пользовался расположением церкви, но это не помешало ему – вопреки религиозным предрассудкам – гарантировать евреям права, поощрить их деятельность в интересах страны, опустошенной монгольским нашествием.

Статут Болеслава Благочестивого начинался так: «Деяния людей, не закрепленные голосом свидетелей или письменными показаниями, быстро проходят и исчезают из памяти, а потому мы, Болеслав, князь Великой Польши, оповещаем современников наших и потомков, до коих дойдет настоящее писание, что иудеи, водворившиеся на всем протяжении наших владений, получили от нас следующие уставы и привилегии…»

По этой генеральной грамоте евреи получали полную свободу передвижения и свободу торговли; запрещалось требовать с еврейских купцов повышенные пошлины за товары, разрушать еврейские кладбища и нападать на синагоги. Бросивший камень в еврейскую «школу» (синагогу) платил воеводе штраф – стоимость двух фунтов перца. Споры между евреями не были подсудны городским судам, но только лишь князю, его воеводе или особо назначенному судье. За нанесение раны еврею полагалось наказание и оплата расходов на лечение. За убийство еврея – «достойное наказание» и конфискация имущества в пользу князя. При ночном нападении на жилище еврея соседи-христиане обязаны были его защищать, если услышат крики о помощи, – иначе денежный штраф.

Строго наказывалось похищение еврейских детей для насильственного крещения. Запрещалось – «согласно постановлению папы» – обвинять евреев в убийстве христианских младенцев для употребления их крови, потому что «по своему закону иудеи вообще обязаны воздерживаться от всякой крови»; но если подобное обвинение возникало, его должны были подтвердить шесть свидетелей – трое христиан и трое евреев. Эти права и привилегии Болеслав Благочестивый утвердил на вечные времена, с согласия высших сановников – воевод, графов и «многих вельмож земли нашей», которые вместе с ним подписали грамоту в Калише в 1264 году.

Грамота Болеслава распространялась лишь на его княжество. Евреи других областей Польши находились под властью иных князей; подобные привилегии они получили в следующем веке, в правление Казимира Великого. Но церковь сразу же забеспокоилась, и во Вроцлаве в 1267 году был созван собор польского духовенства. На нем постановили, чтобы в городах евреи жили особыми кварталами, отделенными «от общего местожительства христиан изгородью, стеною или рвом».

Во время следования церковных процессий евреев обязали запираться в своих домах; в каждом городе полагалось не более одной синагоги; в «отличие от христиан» евреи должны были носить особую шапку с роговидным верхом, «какую они носили некогда в этих местах, но по наглости своей перестали носить». Запрещалось христианам приглашать евреев на трапезы, есть и пить с ними, покупать у них мясо и прочие съестные припасы, чтобы продавцы «коварным способом не отравили их», а также купаться с евреями в одной бане. Собор особо отметил, что в Польше ощущается острая необходимость отделить христиан от евреев, так как поляки – «молодой росток на христианской почве».

Но эти постановления не имели еще серьезных последствий. Князья, а затем и короли, поощряли еврейскую колонизацию в интересах страны и в собственных интересах. Ведь почти до середины шестнадцатого века евреи являлись лишь королевскими подданными, «слугами королевского казначейства», которым следовало «своими деньгами удовлетворять нужды короля».

3

В марте 1348 года чума – «черная смерть» – объявилась в очередной раз в Европе; ее завезли в Геную моряки из Южной Руси. За один месяц эпидемия распространилась по Италии, Испании, Южной Франции, затем перекинулась на Англию. Число жертв было огромно, многие города и деревни превратились в кладбища; Д. Боккаччо, свидетель этого бедствия, описывал страдания несчастных (из книги «Декамерон»): «Сколько крепких мужчин, красивых женщин, прекрасных юношей… днем обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете!.. На кладбищах… вырывали громадные ямы, куда сотнями укладывали трупы, нагромождая их рядами… и слегка засыпая землей…»

Умирали все, без различия национальностей, евреи в том числе, но сразу же возникли слухи – это евреи распространяют чуму, чтобы истребить христиан. Микроскоп тогда еще не изобрели, о существовании вирусов и микробов понятия не имели, заметить их было невозможно невооруженным глазом, а еврея видели поблизости – непохожего на других подозрительного чужака, «отравителя колодцев». «Люди ненавидят чаще всего то, чего не понимают», – подметили с давних пор, и прокатилась по Европе не только эпидемия чумы, но и психическая эпидемия юдофобии – «иудеобоязнь».

Первые слухи об отравлении колодцев появились в Испании. В июне 1348 года в Барселоне, в ночь с пятницы на субботу, толпа ринулась в гетто: еврейские дома разгромили, 20 человек убили. Папа Климент VI издал указ, в котором возведенное обвинение было объявлено ложным, – это почти не помогло. Вскоре в Савойе арестовали евреев из разных городов и подвергли мучительным пыткам. Хирург Балавиньи не выдержал истязаний и сообщил то, чего от него добивались: будто бы евреи во Франции составили заговор против христиан, приготовили ядовитую смесь и разослали своим соплеменникам, чтобы кидали ее в христианские колодцы, – отсюда и пошла эта страшная болезнь. Балавиньи даже сообщил рецепт смеси: взять сердце христианина, высушить его, добавить сушеных пауков, лягушек и ящериц, составить порошок – и можно кидать в колодцы.

Гонцы были отправлены в разные города, чтобы предупредить население, и сразу начались убийства. В Цюрихе, Шафхаузене, Иберлингене и в других городах евреев жгли, вешали и колесовали. В Констанце сожгли евреев в специально построенном для этого доме: «часть из них встретила смерть пляскою, другая часть пением псалмов, а остальные заливались слезами». Некий еврей из Констанца, принявший крещение под страхом смерти, раскаялся, поджег дом и сгорел вместе со своим семейством, выкрикивая из пламени: «Смотрите, я умираю евреем!»

В сентябре того же года папа Климент VI снова обратился к христианам, напомнил, что мнимые виновники эпидемии сами умирают от нее, чума свирепствует и там, где вообще нет евреев, – ничто не помогало. В Германии люди были охвачены религиозным помешательством. По улицам городов двигались процессии исступленных «флагеллантов» – бичующихся, которые требовали самоистязания и всеобщего покаяния, чтобы укротить гнев Божий, заставляли бить себя кнутами по голому телу. Возбуждаемая ими толпа кидалась на еврейские кварталы, устраивала погромы с истязаниями и убийствами. У многих был и свой расчет: освободиться от кредитора-еврея, не платить долги, присвоить еврейское имущество.

В немецком городе Вюрцбурге евреи не захотели погибнуть от рук соседей: они заперлись в своих жилищах и подожгли их. Сгорели дома, сгорела синагога, сгорели все – на месте синагоги выстроили затем церковь Святой Марии. В Шпейере были убиты сотни евреев, тела заколотили в бочки и бросили в реку. Оставшееся имущество император Карл IV передал горожанам, а также подарил городу всех евреев, которые поселятся там в будущем.

В Майнце евреи энергично защищались, но силы были неравными, и они решили погибнуть в своих домах. 24 августа 1349 года евреи Майнца сгорели в огне. В тот же день погибла древняя еврейская община Кельна: целые сутки крики убиваемых смешивались с криками убийц и грабителей. В Кольмаре веками сохранялось место под названием «Еврейская яма», где сожгли евреев во время чумы. В Бенфельде одних сожгли, а других утопили в болоте; затем подошла очередь Кремса, Нюрнберга, Ганновера, Франкфурта-на-Майне, Брюсселя.

В Страсбурге евреев загнали на кладбище, в огромный деревянный сарай, сожгли сотни человек. Остальных изгнали из города, имущество разграбили, и городской совет постановил не допускать евреев в Страсбург в течение ста лет. Немецкий хронист писал: «Хотите знать, что погубило евреев? Это – жадность христиан», – имея в виду, что ради грабежа и был устроен в Страсбурге «юденбранд» – сожжение евреев. Во время погрома обнаружили шофар, бараний рог, в который трубят евреи во время религиозных церемоний. Тут же решили, что при помощи этого инструмента они хотели подать сигнал своим сообщникам вне города, чтобы совместно напасть на жителей, – городской совет постановил сохранить шофар в память освобождения от «еврейской измены».

По образцу шофара изготовили две медные трубы. На одной подавали сигнал ежедневно в восемь часов вечера, и все евреи, случайно оказавшиеся в городе, услышав этот звук, обязаны были покинуть Страсбург. На другой трубе сигнал подавали в полночь, чтобы напомнить горожанам о «предательском поступке» иноверцев. Вскоре несколько еврейских семей получили разрешение поселиться в Страсбурге, в том же веке их изгнали из города, но сигналы полночной трубы раздавались еще несколько столетий, напоминая миру о чудовищной вспышке юдофобии.

Эпидемия чумы продолжалась с марта 1348 до весны 1351 года. Практически не было ни одного германского города, где евреи не подвергались бы кровавым гонениям. Их резали, жгли, топили, над трупами мучеников делили награбленную добычу; сотни евреев с пением псалмов шли на смерть, закутанные в талесы и в саваны мертвецов, кидались в огонь, чтобы не попасть в руки тех, с кем они и их предки жили рядом не одно столетие.

«С тех пор, как евреи живут на свете, они еще не переживали более жестокого столетия, чем четырнадцатый век, – отметил современник событий. – Можно удивляться, как после такой бойни остался в Германии хоть один еврей». «На нас возвели навет, чтобы напасть на

нас, – сказано в синагогальных плачах – «кинот». – Нас обвиняют в том, что мы принесли яд в сосуде и бросили в воду. Но в действительности это нас напоили горькой водой… Обнажили меч злодеи и нашу кровь смешали с водой…»

После пережитых ужасов евреи Германии снова поднялись с насиженного места и пошли в Польшу. Там тоже случались погромы, но это происходило, скорее всего, в пограничных с Германией областях. В Польше правил тогда Казимир Великий, который благосклонно относился к евреям, и беженцы из Германии смогли найти спокойное убежище еще на несколько веков. Не случайно они считали, что название Полин (Польша) произошло от двух слов на иврите – «по лин». Когда они уходили на восток от преследований во времена «черной смерти», с неба упала записка с этими словами – «по лин», что означает «здесь живи». И евреи поселились в Польше.

Память о еврейском переселении с запада на восток сохранилась в фамилиях российских евреев. Многие из них образовались от названий тех городов или земель, в которых евреи жили до переселения в Польшу и Литву. Например, Берлин, Берлинер, Гамбург, Нюрнберг, Ганновер, Шпейер, Познер (Познань), Ауэрбах-Урбах-Авербух (Ауэрбах – город в Германии) , Бахрах (Бахарах в Германии), Гальперин-Альперин-Альперн (Хайльбронн в Германии), Гинзбург-Гинцбург (Гюнцбург в Баварии) , Каценеленбоген, Ландау, Оппенгейм, Эпштейн, Эттингер (по названиям немецких городов Каценельнбоген, Ландау, Оппенхайм, Эппштайн, Эттинген) , Айзенштадт (в Австрии), Горовиц-Гурвиц-Гурвич (Горжовище – нем. Horowitz – в Чехии).

Фамилия Альтшулер образовалась от слова «Alt'Schul», что означает «старая синагога», которая и ныне существует в Праге; вероятно, первые Альтшулы или Альтшулеры были попечителями этой синагоги. В 1542 году, после изгнания евреев из Праги, многие Альтшулеры поселились в Польше, Литве, затем в России. Блок-Блох-Влох-Волах: евреи – выходцы из Италии. «Влох» по-польски означает «итальянец».

Очерк шестой
Привилегии Казимира Великого. Изгнание из Литвы. Антиеврейская агитация и первая антисемитская литература. Обвинения в осквернении святой гостии

И жила в городе женщина, набожная и добрая. Как роза распространяет аромат вокруг себя, так она отдавала свое богатство бедным; дом ее был убежищем для убогих, несчастных и угнетенных. Звали эту женщину – Золотая Роза.

1

Казимир III – Казимир Великий – стал польским королем в 1333 году. Польский летописец объясняет его благосклонность к евреям любовью к красавице Эстерке. Это была дочь еврея-портного из Опочно, умная женщина, которая жила в королевском дворце, и из всех фавориток Казимира III лишь она имела на него влияние. Эстерка родила королю двух дочерей, которые остались еврейками, и сыновей по имени Немир и Пелка, воспитанных в христианской вере и ставших родоначальниками знатных польских фамилий. При Людовике Венгерском, преемнике Казимира, Эстерку убили во времена гонений на евреев.

Вряд ли благосклонное отношение Казимира Великого к евреям определялось одной лишь любовью к красавице Эстерке. Король поощрял не только евреев, но и немцев, шотландцев, представителей других народов, которые развивали внешнюю торговлю Польши и расширяли польские города. Казимир заботился об интересах всех сословий, включая крестьян; не случайно его называли «королем холопов» и говорили, что «он застал Польшу деревянной, а оставил ее каменной», так как при нем города застраивались каменными домами.

В 1334 году Казимир Великий распространил привилегии Болеслава Благочестивого на евреев Великой Польши – области Познани, Калиша и Гнезно. В 1364 году король «склонился на просьбу евреев, живущих во всех городах Польского государства», и желая «увеличить выгоды своей казны», выдал грамоту в пользу евреев остальной Польши. Эту грамоту одобрили дворяне, составлявшие королевский совет; среди прочего она указывала: «каждый еврей может свободно и безопасно переходить и переезжать – без всякого препятствия и остановки – из города в город, из провинции в провинцию нашего королевства, и с совершенной безопасностью может везти и нести с собой свое имущество или товары, продавать, покупать и менять… а пошлину платить не больше, чем христиане».

В 1367 году эти привилегии – в расширенном виде – получили и евреи Малой Польши, в состав которой входили завоеванные Казимиром Червонная Русь со Львовом и часть Волыни. Не случайно в еврейских преданиях этот король постоянно фигурировал в роли покровителя и благодетеля: привилегии Казимира Великого были в то время единственным в Европе примером веротерпимости по отношению к евреям.

В четырнадцатом веке шляхта и духовенство не набрали еще силы; евреи Польши считались «рабами казны» и находились под защитой короля, который заботился о своих интересах, но и евреям предоставлял многие привилегии. Они пользовались свободой вероисповедания, вели торговлю по всей стране, снабжали кредитом короля, высших сановников, духовенство и мещан. Крупные банкиры-евреи брали на откуп разные отрасли государственных доходов, к примеру, соляные копи, эксплуатацию которых правительство

предпочитало отдавать в чьи-либо руки и получать за это гарантированный доход, а не вести дело на свой риск.

В Кракове, столице королевства, богатые евреи занимались денежными операциями, покупали и продавали земельные участки и дома; один из них, некий Левко, стал банкиром короля, заведовал соляными копями и монетным двором. Краковские мещане завидовали его влиянию и богатству и считали, что у Левко есть волшебное кольцо, которым он приворожил к себе короля. В стране преобладали мелкие торговцы-евреи и кредиторы, которые оперировали малыми суммами, и, тем не менее, можно сказать, что во времена Казимира Великого, да и в последующие два века польское еврейство находилось в достаточно благоприятных условиях. Примерно то же самое происходило и в Литве.

Нет точной даты первого появления евреев на литовской земле. В четырнадцатом веке Великое княжество Литовское занимало территорию от Балтийского до Черного моря, евреи снова поселились в Киеве и в других городах, которые Литва отвоевала у татар. Появились они и в Гродно, в Бресте, в Троках и Луцке – предприимчивые, страстные, впечатлительные с умением торговать и любовью к детям. В 1388 году великий князь Витовт издал грамоту с привилегиями для литовских евреев, похожую на статуты Болеслава Благочестивого и Казимира Великого. «Деяния людей, не закрепленные голосом свидетелей или письменными показаниями, стираются с лица земли, исчезают и предаются забвению, а потому мы, великий князь Витаутас, объявляем нынешним и грядущим поколениям…»

Евреи Литвы непосредственно подчинялись великому князю; у них было автономное управление внутренними делами общины, свой суд, свобода торговли наравне с христианами, одинаковые пошлины и право беспрепятственных кредитных операций; запрещалось даже обвинять евреев в ритуальном использовании крови человека. Синагоги появились на земле Литовской, хедеры, иешивы и кладбища, чтобы жить среди своих и упокоиться возле своих. Лавки открывали, портняжные мастерские, кузницы с красильнями, и непременные бани, которые дозволялось топить во всякое время, когда надумают мыться.

В Гродно, к примеру, евреи имели свои дома и «пляцы» – земельные участки, «божницу» – синагогу и «копище» – кладбище; в своих домах они «шинковали», то есть продавали спиртные напитки, имели право владеть «грунтами» – пахотной и луговой землей. В те времена Литва была крайним пунктом еврейского передвижения с запада на восток. Восточнее располагалась Московская Русь, закрытая для евреев.

2

В пятнадцатом веке изгнание евреев из городов и земель Центральной Европы стало обычным явлением. Брюн, Ольмюц, Майнц, Бамберг, Глогау, Кельн, Шпейер, Фрейбург, Аугсбург, Магдебург, Нюрнберг, Регенсбург, Бавария, Силезия, Штирия, Каринтия, – к концу пятнадцатого века в этих городах и землях не осталось ни одного еврея, или же им запретили там постоянное проживание. Изгнания сопровождались конфискацией недвижимости; дома, синагоги и кладбища становились собственностью городов; в Нюрнберге через кладбище проложили улицу, мощенную надгробными плитами; евреев Майнца изгоняли в пятнадцатом веке четыре раза, а затем вновь призывали обратно; городская управа Фрайбурга пожелала освободиться от евреев, «потому что они жаждут христианской крови, которая позволяет им продлевать свою жизнь».

К этому добавились преследования в Чехии и Венгрии, поголовное изгнание из Испании в 1492 году, изгнание из Португалии в 1497 году, – многие уходили в Турцию и Польшу, правителям которых было выгодно принять изгнанников. Испанские евреи обучили турок многим искусствам и ремеслам, научили их изготавливать порох и лить пушки, ознакомили с разными военными приемами. Не случайно турецкий султан Баязет II сказал по поводу изгнания евреев

из Испании: «Как можно назвать испанского короля Фердинанда умным правителем, его, который разорил свою страну и обогатил нашу».

«Время наше, время бедствий», – повторяли евреи в годы изгнаний. Вторил этому писатель Эразм Роттердамский: «Если ненависть к евреям является признаком доброго христианина, то все мы добрые христиане». Даже Мартин Лютер – один из основателей протестантской церкви, в будущем яростный гонитель евреев – призывал проявлять «истинно христианскую» терпимость к евреям. Из его сочинения «О том, что Иисус Христос родился евреем» (1523 год): «Епископы и монахи, грубые ослы, обращаются с евреями так, что всякий христианин предпочел бы стать иудеем. Если бы я был евреем и видел подобных глупцов, управляющих церковью, я бы охотнее сделался свиньей, а не христианином. Ибо они поступают с евреями таким образом, будто те псы, а не люди».

Ненависть к иноверцам сохранялась и в тех краях, где евреев уже не было, а местное население не сталкивалось с ними в повседневной жизни. Легенды, баллады, сатиры, всякого рода литературные произведения были переполнены образами жестоких, жадных, вероломных евреев. На сценах передвижных театров ставили «Мистерии страстей Господних», где евреи совместно с чертями мучили и распинали Иисуса Христа, – такого рода спектакли были чрезвычайно популярны, на них сходились жители городов и деревень, что усиливало ненависть к презренным иноверцам.

В 1495 году великий князь Александр неожиданно изгнал из Литвы всех евреев. Возможно, он решил взять пример с испанского короля или не мог расплатиться с кредиторами-евреями, – про этого князя говорили, что он заложил всё, что не успел еще раздать. Он опубликовал указ – «жидову с земли вон выбити» и выселил всех евреев из Бреста, Гродно, Трок, Луцка, Владимира-Волынского и Киева. Их недвижимость перешла в княжеское владение, все христиане, которые брали у евреев деньги, обязаны были вернуть долг в великокняжескую казну.

Часть литовских евреев ушла после изгнания в Крым и Стамбул, другие – в соседнюю Польшу, а вместо них пригласили в Литву новых поселенцев, немцев со шведами. Вскоре Александр стал польским королем, и духовенство предложило ему изгнать евреев из Польши – по литовскому образцу. «Если хочешь стать апостолом правды, – говорили ему, – вынь меч из ножен, чтобы они, хотя бы и по принуждению, приняли христианство». Но польский король желал пополнить казну перед возможной войной с Россией, был заинтересован в развитии городов и через восемь лет разрешил евреям вернуться в Литву, позволив жить «по замкам и другим местам, где перед тем были». Их дома, синагоги, земли и кладбища возвращались прежним хозяевам, им разрешили взыскивать старые долги, они могли выкупать прежнюю свою собственность, которую князь уже успел продать христианам, – и евреи снова поселились в Литве.

Пятнадцатый век стал поворотным в истории еврейского рассеяния. Ненависть к евреям и повсеместные изгнания привели к тому, что центр их культурной, экономической и общественной деятельности начал перемещаться на восток – в Польшу и Литву. 45 новых еврейских общин было основано в Польше в пятнадцатом веке, а всего в Польше и Литве жили тогда более 20 000 евреев. В шестнадцатом веке переселение значительно увеличилось; оно шло теперь из Чехии, Нижней Австрии, Брауншвейга, Бранденбурга и Италии. Но малая часть изгнанников с Пиренейского полуострова, попав в Польшу, ненадолго там задержалась. Испанские евреи отличались от своих провинциальных польских единоверцев манерами и светским образованием; они столкнулись с конкуренцией местных евреев, которые, как они уверяли, «хотели съесть их живьем», и многие из них ушли на юг – в Италию и Турцию.

Приток продолжался, и к концу шестнадцатого века в Великой Польше было уже 52 еврейские общины в городах и местечках. Общины Кракова, Познани, Львова и Люблина считались тогда крупнейшими в Европе после общин Стамбула и Венеции. В Познани было 2500

евреев. В Кракове – 4500. В Люблине – 2000. Чем дальше на восток – Луцк, Владимир-Волынский, Галич, Киев, тем чаще можно было встретить евреев, а киевская община даже славилась своей ученостью: «Из Киева, – говорили, – распространяется Тора». Церковь не поощряла притока «нехристей», и Петроковский синод постановил в 1542 году: «Так как церковь терпит евреев лишь для того, чтобы они напоминали нам о муках Спасителя, то численность их отнюдь не должна возрастать».

Очень приблизительно – на основании еврейского поголовного налога – можно предположить, что к концу шестнадцатого века было в Польше и Литве примерно 100 000 евреев. Но поляки считали, что их значительно больше и брать с них следует соответственно больше. «Столько их в Корону из других стран наползло, – писал ненавистник евреев, – столько их наплодилось, что они могли бы давать чуть не в шесть раз больше, чем дают на самом деле». «Они женятся в двенадцать лет, – писал другой, – на войнах не гибнут, от воздуха не мрут, вот и расплодились».

3

В пятнадцатом и шестнадцатом веках медленно, но неуклонно возрастало влияние польской шляхты. Каждый новый закон должен был проходить теперь через шляхетские сеймы, и короли не могли уже постановить самостоятельно «ничего нового». Сеймовые указы о евреях получили одинаковую законную силу со старыми королевскими привилегиями и часто парализовали их действие. Даже доброжелательно настроенным королям приходилось считаться с требованиями шляхты и духовенства, но особенно опасными для евреев бывали периоды междуцарствия, которые предшествовали избранию на престол очередного короля. В этот период шляхта и духовенство – в обмен на поддержку – могли диктовать условия любому кандидату на королевский престол.

В 1539 году король Сигизмунд I объявил, что евреи, живущие в шляхетских городах, могут поступать под опеку владельцев-панов, платить им налоги, но в этом случае король лишает их своего покровительства. «Мы обыкновенно не даем защиты тем, кто не приносит нам никакой пользы, – заявил король. – Пусть защищает евреев тот, кто извлекает ее из них». С этого момента евреи Польши стали делиться на королевских и шляхетских.

В частных городах, местечках и имениях они были деятельным, предприимчивым элементом, и уже не король, а паны получали с них доходы. Шляхта основывала на своих землях «частные города» и приглашала туда евреев, освобождая поначалу от уплаты налогов. Многие евреи переселялись в «частные города», где не было конкуренции; там они успешно занимались импортом и экспортом товаров, вывозили в Западную Европу лес и сельскохозяйственные продукты. Они доставляли панам доход от молочного хозяйства, мельниц, винокурения, содержания шинков, других предприятий и ремесел, а те могли беспечно проводить время.

Так было в Польше, так было и в Литве. Доходило до того, что депутаты от шляхты грозили сорвать очередной сейм, если их евреи будут обложены дополнительными налогами в государственную казну, а во времена междуцарствий шляхта брала евреев под свою защиту и заявляла, что «причинившие им вред» будут наказаны. Когда на одном из сеймов магистр философии С. Мичиньский стал агитировать за изгнание евреев из Польши, а его сторонники провозгласили магистра «апостолом правды», депутаты называли его «смутьяном» и нарушителем общественного спокойствия.

Мещанство Польши было настроено враждебно к своим конкурентам-евреям, но в то время оно не располагало политической силой. Это были преимущественно выходцы из Германии; переселившись в Польшу, они перенесли туда свои традиции и предрассудки. Многие из них, возможно, были очевидцами, а то и участниками погромов в немецких и австрийских городах. Они постоянно сталкивались с евреями в сфере торговли, ремесел, банковских опе-

раций, и это обостряло отношения. У евреев было экономическое превосходство в стране: не благодаря привилегиям, которые они получали от королей, – привилегии получали и немцы, – но благодаря притоку свежих сил из Германии, Чехии, Италии и других стран.

У еврейских поселенцев сохранились связи со своими единоверцами в самых отдаленных странах, и это давало возможность торговать в широких масштабах. Шляхта оценила опыт евреев, их возможности и невольно стала их союзником против городского мещанства – в тех случаях, когда это не противоречило ее интересам. «Неверные евреи лишили нас и наших сограждан, занимающихся купечеством, почти всех источников пропитания, – жаловались мещане города Львова. – Они овладели всей торговлей, проникли в местечки и села, не оставили христианам ничего».

Записи в таможенных книгах позволяют определить виды товаров, которые еврейские купцы развозили по Польше. Это – мыло, воск, краски, белила, бумага, зеркала, подсвечники; бархат, шелк, сукно, рукавицы, пояса, шапки, седла; орехи, сливы, рис, сахар, фиги, изюм, соленая рыба, цыбульное семя, вино, гвоздика, шафран, перец и миндаль, имбирь и тмин; сталь, железо, олово, ножи, иглы, шпильки, косы, котлы, тазы и замки, а также мех выдры, лисицы, хорька, горностая, кролика, куницы.

Но жизнь у евреев не была в то время беззаботной и устойчивой; даже в периоды благополучия им постоянно грозили в городах нападения семинаристов и воспитанников иезуитских школ. Евреи платили особый налог этим школам, который распределяли между учениками, чтобы они не бесчинствовали на улицах и не избивали прохожих-евреев. Польское общество было неоднородным, не только короли и крупная шляхта выражали его настроение, но также духовенство, а временами и мещане – жители городов. Бывало так, что один сейм подтверждал еврейские права, а другой, следом за ним, эти права ограничивал: всё зависело от того, кто побеждал на сейме, те ли, чьи интересы совпадали в данный момент с интересами евреев, или же те, чьи интересы были противоположны.

В Польше и Литве было много еврейской бедноты – мелких торговцев и ремесленников; они вели ежедневную борьбу за существование, сталкивались с такими же бедняками-христианами, что приводило к конфликтам. Местное мещанство постепенно набирало силу, урезало права евреев-конкурентов, а порой изгоняло из городов. Нужен был только повод. В Кракове, к примеру, случился большой пожар, евреев обвинили в поджоге; был погром, толпа грабила, калечила и убивала – и король Ян Альбрехт выселил евреев в предместье. С тех пор им запрещалось жить в Кракове; евреи основали возле него городок Казимеж, который именовали в своих документах – «еврейский город Казимеж на Висле».

4

Польское духовенство постоянно вело антиеврейскую агитацию и внимательно следило за действиями королей. В 1447 году в Познани сгорел при пожаре старинный подлинник грамоты Казимира Великого, а потому Казимир IV Ягеллон подтвердил прежние еврейские привилегии с таким демонстративным заявлением: «Мы желаем, чтобы евреи, которых мы особенно охраняем ради интересов наших и государственной казны, почувствовали себя утешенными в наше благополучное царствование».

Немедленно вслед за этим краковский архиепископ написал королю: «Не думай, что в делах религии христианской ты волен постановлять всё, что тебе вздумается. Никто не велик и не силен настолько, чтобы ему нельзя было воспротивиться, когда дело касается веры. А потому прошу и умоляю твое королевское величество отменить упомянутые привилегии и вольности. Покажи, что ты – государь католический, и удали всякий повод к бесславию для твоего имени». Королю грозили муками ада за покровительство евреям, а когда поляки были разбиты Тевтонским орденом, и духовенство объявило это Божьим наказанием за королевскую вину, Казимир

IV отменил привилегии евреям, «противные Божьему праву и земским уставам». К концу пятнадцатого века им запретили владеть землей вне городов, ограничивали в торговле, в занятиях ремеслами, и с этого времени их благосостояние стало ухудшаться.

В шестнадцатом веке появилась в Польше антисемитская литература. В 1541 году увидела свет книга некоего священника под названием «Об изумительных заблуждениях евреев»; ее автор рекомендовал разрушить новые синагоги и ограничить в городах численность евреев. Затем вышло сочинение «О святых, убиенных иудеями», где требовали изгнать их поголовно с польской земли. Один автор проповедовал в своих сочинениях поход против евреев «для того, чтобы не быть ими истребленными»; другой изображал их в самом отталкивающем виде; третий расписывал «еврейские жестокости, убийства и суеверия»; четвертый – врач по профессии, чтобы отвадить больных от еврейских врачей, сообщал о том, что они отравляют пациентов-христиан.

Эти книги многократно переиздавались, и название одной из них говорит само за себя: «Раскрытие еврейских предательств, злостных обрядов, тайных советов и страшных замыслов, а также разоблачение некоторых еврейских пособников и здравый совет, как избегнуть предательства». Магистр философии Краковской академии Себастиан Мичиньский составил перечень еврейских «злодеяний»: обвинения в предательстве, отравлении и убийствах с ритуальной целью, обвинения в колдовстве, святотатстве и всевозможных кознях против христиан. Он сокрушался: «О, если бы удалось посадить на скамью пыток еврейских старшин! Как много бы мы тогда узнали, какую бы песню они тогда затянули!» И антиеврейская пропаганда выливалась обычно в погромы с убийствами.

Поводом для погромов часто служили слухи о том, что евреи якобы оскверняли святую гостию – мучную облатку для причастия, символизирующую тело Христа, которая употребляется в католических церковных обрядах. Еще в начале тринадцатого века возникло такое обвинение под Берлином – обвиняемых сожгли на костре. Потом это случилось в Париже, Барселоне и Брюсселе, в других городах Европы.

В 1478 году в немецком городе Нассау «установили» под пыткой, что «купив за один гульден восемь гостий, они (евреи) принялись колоть их ножами, – вдруг из гостий полилась кровь и появилось лицо младенца… Когда же они бросили две гостии в раскаленную печь, то поднялась страшная буря, а из печи вылетели два ангела и два голубя». Виновных осудили и казнили. В герцогстве Мекленбург за подобное обвинение 27 евреев сожгли на костре в 1492 году. «Спокойно шли они на смерть… – писал католический летописец. – С твердым духом, без сопротивления и слез. Они испустили дух, распевая древние псалмы».

В 1520 году в Берлине за совершенное якобы осквернение гостии 38 человек приковали к столбам, обложили паклей со смолой и подожгли. Раввин произносил предсмертную исповедь – «видуй», мученики распевали псалмы, а через много лет местный священник сознался перед смертью, что казненных оговорили. Известен даже случай, когда некий поляк умер под пыткой, но не признал, что он продал евреям святую гостию, – однако обвинение против них не сняли. «Ведь и у дьявола тоже есть свои мученики», – писал по этому поводу польский писатель.

В Польше это впервые случилось в 1399 году. Евреев Познани обвинили в том, что они купили у христианки три гостии, прокололи их и бросили в яму. Эти гостии явились затем местному пастуху в образе трех бабочек, а когда их вынули из ямы, они стали совершать чудеса. Тут же разразился погром, мещане громили лавки и дома конкурентов-евреев, уничтожали долговые расписки. После жестоких пыток раввина Познани и старейшин общины привязали к столбам и сожгли на медленном огне. Вместе с ними сожгли христианку, а на том месте, где нашли гостии, построили монастырь, в который стекались паломники с приношениями.

В 1558 году сюжет в Польше повторился: будто бы некая христианка из Сохачева продала евреям святую гостию, они ее искололи, из гостии потекла кровь, – «виновные» были аре-

стованы, король Сигизмунд Август велел их освободить, но приказ запоздал или духовенство поспешило: евреев сожгли на костре. Перед смертью осужденные заявили: «Мы никогда не прокалывали гостии, потому что не верим, что в гостии – тело Бога. Мы знаем, что у Бога нет тела и крови. Мы верим, как и наши предки, что Мессия – не Бог, а его посланник. Мы знаем также по опыту, что в муке не может быть крови. Мы продолжаем утверждать до последнего часа, что нам не нужна кровь». Священники были возмущены этим заявлением и приказали палачу заткнуть мученикам рты горящими факелами.

«Я содрогаюсь при мысли об этом злодействе, – сказал Сигизмунд Август, – да и не желаю прослыть дураком, который верит, что из проколотой гостии может течь кровь».

5

В конце шестнадцатого века проходил долгий судебный процесс, который затеяли иезуиты против еврейской общины города Львова; они решили забрать здание синагоги, и суд постановил передать синагогу иезуитам. «Евреи были в отчаянии, – писал очевидец, – еврейки рвали на себе волосы; их квартал имел такой вид, как накануне Страшного суда».

Старшина общины Мордехай Нахманович встретил монахов, ввел их в синагогу и потребовал занести в протокол, что он всё передал иезуитам. «Между тем народ со всех сторон стал прибывать в синагогу, поздравляя иезуитов с успехом, наполняя воздух криками радости, – писал летописец иезуитского ордена. – Народ зажег восковые свечи и вошел с процессией в синагогу. Толпа подошла к месту, где находился святой ковчег, и пением церковных гимнов освятила это место… Среди евреев же была тревога, скорбь, слышались вздохи и вопли, и горе их усилилось, когда они увидели над крышей синагоги крест, символ христианства».

Но иезуиты радовались преждевременно. На другой день монахи пришли к новому костелу, однако ворота оказались запертыми. Пройти внутрь можно было лишь через прихожую дома Нахмановичей, но Мордехай Нахманович никого не пропускал через свои владения. Спор ордена иезуитов с львовскими евреями разгорелся с новой силой, и дело закончилось тем, что синагогу возвратили евреям. При новом ее торжественном освящении был прочитан гимн – «Песнь освобождения». (Львовские евреи молились в этой синагоге три с половиной века, пока ее не разрушили во время Второй мировой войны.)

С судебным процессом между львовскими евреями и иезуитским орденом связана легенда о Розе, жене Нахмана Нахмановича, брата старшины общины Мордехая Нахмановича. Это была женщина необыкновенной красоты, одаренная высокими душевными качествами, которая пользовалась огромной популярностью во Львове. Надгробный камень на ее могиле сохранялся до конца девятнадцатого века, и на нем – надпись: «Она была настоящим светильником Божьим, королевой всех дочерей Сиона, которая по красоте и уму не имела равной себе. Короли и князья склоняли перед ней свои колени».

К могиле Золотой Розы приходили несчастные жены и матери, искали утешения в молитвах, писали записки с просьбами и оставляли их под плитой. Впоследствии Золотую Розу называли мученицей за веру, и сохранилась легенда, связанная с ее именем, которая вряд ли имеет отношение к реальной Розе, но к событиям того времени она имеет отношение самое несомненное. Вот она, эта легенда.

Это случилось во времена польских королей. Старая синагога была уничтожена пожаром. Собирали деньги, чтобы построить новую, каменную. Золото текло рекой со всех стран мира, потому что Львов вел торговлю с чужими краями и славился богатством и благочестием. Синагогу собирались выстроить высокой, красивой, видной со всех сторон, чтобы свидетельствовать далеко за стенами города, как велик Бог Израиля. Но тут наступило несчастье. Христиане не могли стерпеть, чтобы вблизи от их святыни стояла святыня Израиля, и решили присвоить ее себе. Нашли где-то старый документ, затеяли процесс и закрыли синагогу. Плач

овладел Израилем. Святыня Всевышнего должна перейти в чужие руки. Община впала в отчаяние, Израиль проливал горькие, горькие слезы…

И жила в городе женщина, набожная и добрая. Как роза распространяет аромат вокруг себя, так она отдавала свое богатство бедным; дом ее был убежищем для убогих, несчастных и угнетенных. Звали эту женщину – Золотая Роза. Она пожертвовала всё свое имущество для выкупа святыни. Она употребляла свое влияние повсюду, но ничто не помогло. «Пусть сама явится с деньгами», – таково было последнее слово епископа.

Роза вздрогнула. Она была красива. Она боялась мужчин, особенно неженатых. Долго колебалась. Народ плакал. Пошла. «Останься у меня, – сказал епископ, – и я верну твоим братьям святыню». – «Сначала верни, и я останусь». – «Я тебе не верю», – сказал епископ. «Если ты мне не веришь, – ответила она, – ты ничего не теряешь, а я теряю честь, веру, народ». Епископ согласился, подписал документ на открытие синагоги, и она отослала бумагу старшинам. В общине радость, веселье, из окон синагоги льется свет! Роза – из окна епископского дворца – видит его. Задача ее выполнена. Жизнь погублена. На другой день епископ нашел ее мертвой.

Еврейские женщины долго еще оплакивали эту мученицу…

В двадцатых годах шестнадцатого века началось реформационное движение в Польше, и всякое отпадение христианина от католической церкви объясняли влиянием евреев, а переход к евангелической вере отождествляли с обращением в иудейство. Жертвой обвинения стала восьмидесятилетняя католичка Катажина Вайгель, вдова члена Краковского магистрата, которую сожгли на городском рынке в 1539 году за склонность к иудаизму.

Ее спросили на допросе, верит ли она в «сына Божия Иисуса Христа, который был зачат от Духа Святого», и Вайгель ответила на это: «Не имел Бог ни жены, ни сына, да Ему и не нужно этого, потому что сыновья нужны только тем, которые умирают, а Бог вечен, и как Он не родился, так и умереть не может». Свидетель казни писал: «На смерть она пошла без всякого страха», а польский летописец отметил: «Она шла на смерть, как на свадьбу».

В тот же период в Плоцке проходил процесс против Брозия и Мачея, двух врачей-поляков, обвиненных в переходе в иудаизм.

В сороковых годах шестнадцатого века в Польше появились слухи, будто «люди веры христианской к закону жидовскому приступили и обрезание приняли», а затем бежали в Литву, где нашли убежище у тамошних евреев. Под давлением церкви были посланы в Литву два королевских комиссара с самыми широкими полномочиями; они присупили к розыску обращенных, и для евреев Литвы начался период «тяжкостей несносных». По любому доносу или подозрению комиссары врывались в еврейские дома, обыскивали и арестовывали; задержанные платили выкуп за свое освобождение.

Евреи перестали ездить на ярмарки, опасались оставлять семьи без защиты, боялись попасть в пути под арест. Поначалу местные власти охотно помогали комиссарам, но вскоре захирела торговля, опустели рыночные площади, евреи не в состоянии были платить налоги. Еврейская делегация

отправилась к королю с мольбой, чтобы «правый не терпел за виноватого»; просили за евреев и литовские паны, которые начали терпеть убытки, и комиссарам приказали проводить розыск в рамках законности и без излишних притеснений.

Обвинили и евреев Кракова, будто они покупают христианских детей, совершают над ними обряд обрезания, а затем переправляют в Турцию. Обвинение не подтвердилось, однако польским евреям запретили выезд в Турцию без разрешения короля.

Из литовского статута 1566 года: «Да не смеют евреи ходить в дорогих платьях с золотыми цепями, а жены их в золоте и серебре. Да не осмелятся евреи украшать серебром сабли и палаши. Одежда их, однако, пусть будет заметна для всякого, чтобы каждый мог отличить христианина от еврея».

Церковные иерархи Польши запрещали католикам работать у иудеев и православных, а также посещать их синагоги и церкви. В 1588 году епископ Ежи Радзивилл запретил «христианам, особенно девицам и кормилицам, служить в еврейских домах… из опасения, что их души будут осквернены и что эти простые люди будут погублены иудейством».

Очерк седьмой
Новгородская «ересь жидовствующих». Жидовствующие при дворе Ивана III. Их учение. Казни главных еретиков. Иван Грозный и евреи

27 декабря 1504 года в Москве в деревянных клетках были всенародно сожжены жидовствующие – дьяк Иван Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов за отпадение от христианской веры.

1

Пятнадцатый век стал временем пробуждения религиозной мысли в Европе. Верующие задумывались над сущностью религии, и в разных странах возникали всевозможные секты, которые отрицали церковные обряды, некоторые догматы и иерархию христианства, видели единственный выход из этого – возвращение к Библии. Знаменитый Афонский монастырь в Греции был в те времена центром движения христиан, которые отрицательно относились ко всякой обрядности, и монахи этого монастыря разносили свое учение по православному Востоку.

Еще до этого, в четырнадцатом веке, в Болгарии распространилась ересь секты жидовствующих. Ее сторонники искали поддержку у жены царя Федоры, которая была крещеной еврейкой из Тырнова по имени Сарра. Жидовствующие отвергали церковную власть, причастие, иконы и священников. По приговору церковного собора ересь была уничтожена, а евреев Болгарии лишили права владеть недвижимостью.

В конце четырнадцатого века объявился в Ростове некий Маркиан, «зело хитр в словесах и в писании книжном коварен». Он восставал против поклонения иконам, считая их идолами, и своими доводами поколебал бояр и местного князя. Из рук в руки ходили по России разные сочинения, в которых утверждалось преимущество содержания над обрядностью, обличалась бесплодность неосмысленного обряда. Верующие – в основном, монахи – отпадали в разные ереси, с которыми церковь беспощадно боролась.

Одна из таких ересей возникла в Пскове во второй половине четырнадцатого века – «ересь стригольников». Стригольники считали, что русское священство «во зле лежит», потому что берет пошлины и подарки при посвящении в священники, и отказывались от общения с таким духовенством. Они объединялись в особые группы, во главе которых стояли наставники – «простецы». В 1375 году в Новгороде руководителей этой секты сбросили с моста в реку, но ересь не исчезла. Еретиков ловили в Пскове и Новгороде, убивали, сажали в темницы, а они убегали от преследований, разносили по разным краям свое учение.

На русском Севере были в обычае религиозные споры; в Новгороде мужчины и женщины, люди разных сословий, сходились не только в домах, но и на площадях, обсуждали духовные проблемы, критиковали порой церковь, ее обряды и постановления. В этом хаосе споров и мнений, быть может, и объявился некий человек, разъяснявший свое учение, которое легло на подготовленную почву.

В 1470 году вольный Новгород, опасаясь притязаний Москвы, попросил великого князя Литовского прислать из Киева на княжение православного князя Михаила Олельковича. В его свите были купцы-евреи, вместе с ними приехал из Киева ученый иудей Схария, о котором сказано в русских источниках: «сей диаволов сосуд» обучен астрологии, чародейству и черно-

книжию. Неизвестно, что Схария делал в Новгороде, сколько времени там оставался; известно только, что с этого момента появилась в Новгороде, а затем в Москве «ересь жидовствующих». В русской летописи за 1471 год сказано так: «Отселе почала быти в Новегороде от жидовина Схария ересь».

Ученый иудей Схария, возможно, повлиял на местных священников, которые и до него склонялись к ереси. Могли быть их контакты с приезжим иудеем на почве тогдашнего увлечения «тайным знанием» – астрологией и алхимией; не исключено, что доводы Схарии подтолкнули в определенном направлении тех священников, которые и до этого задумывались над основами своей веры. В русских источниках сказано: приехав в Новгород, Схария «прельстил в жидовство» влиятельных священников, Алексея и Дионисия, людей мыслящих и начитанных по тем временам. В этом ему помогли якобы евреи из Литвы – Йосеф Шмойло Скарявей и Моисей Хануш.

К новой вере обратились затем некий Иванька Максимов с отцом, Гридя Клоч, поп Григорий с сыном, Мишук Собака, Васюк Сухой зять Денисов, дьяк Гридя, поп Федор, поп Василий, поп Яков, поп Иван, дьякон Макар, поп Наум и даже протопоп Софийского собора Гавриил. Новообращенные хотели обрезаться, – их было уже не один десяток, – но их учители велели держать иудейство в тайне. В тайне сохранялись и новые имена: так, например, священник Алексей получил имя Авраам, а жена его – имя Сарра. Вскоре евреи уехали из города, и ересь распространялась уже без них.

2

В 1479 году великий князь московский Иван III побывал в Новгороде – после присоединения его к Московскому государству. Слухи о благочестивой жизни и мудрости двух главных тайных еретиков Алексея и Дионисия дошли до него, сами они произвели на великого князя хорошее впечатление, и Иван III взял их с собой в Москву. Алексей стал протопопом Успенского собора в Кремле, а Дионисий – священником Архангельского собора. Так ересь попала из Новгорода в Москву.

Дионисий и Алексей пользовались большим уважением в столице и распространили свое учение между людьми известными и влиятельными. В числе принявших учение были: всесильный при княжеском дворе думный дьяк Федор Курицын, его брат Иван Волк, дьяки Истома, Сверчок и другие, а Ивашка Черный и Игнашка Зубов «даже обрезались и бежали в Литву». Вдова Елена, невестка великого князя и мать наследника престола, приняла это учение; Иван III подпадал временами под влияние еретиков и «склонял слух» к ереси. Великий князь конфисковывал тогда монастырские земли, и критика церковных «стяжателей», возможно, соответствовала его политике.

Сторонники «ереси жидовствующих» держали в тайне свою веру; с тех пор сохранились лишь два сочинения: одно из них написал дьяк Федор Курицын, другое осталось анонимным. Некий монах Самсонка под пыткой показал, что еретики изрекали хулу на Христа и на всех святых, расщепляли иконы, показывали иконам кукиш, спали на них, мылись на них, плевали на них, поливали «скверной водой», кидали иконы в лохань, – даже в те времена не все верили показаниям, полученным под пыткой.

В 1487 году новгородскому архиепископу Геннадию донесли, что несколько священников в пьяном виде надругались над иконами, хулили православную веру. Геннадий начал розыск в Новгороде, ему помогал раскаявшийся поп Наум, передавший Геннадию тетрадки с молитвами жидовствующих. На допросах еретики называли себя православными, но выяснилось, что втайне они держались ереси, распространяли ее в городах и селах, где у них были приверженцы среди попов.

Заподозренные в ереси – поп Григорий с сыном Самсонкой, поп Ереса и дьяк Гридя – сбежали в Москву к своим покровителям, но Геннадий отправил туда собранные при розыске материалы. Беглецы были схвачены, осуждены на соборе, их били кнутом и вернули назад, в Новгород, – но оттуда они снова сбежали в Москву и даже пожаловались великому князю, что архиепископ их «имал, и ковал, и мучил, да грабил животы». При великом князе Иване III еретики жили в Москве вольготно, «в ослабе».

В 1489 году новым митрополитом Руси стал архимандрит Зосима. Архиепископ Геннадий из Новгорода потребовал от него, чтобы он вместе с церковным собором предал еретиков проклятию, и привел в пример испанскую инквизицию, при помощи которой «шпанский король землю свою очистил». Геннадий опасался диспута с жидовствующими и остерегал епископов: «Люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорити: таки вы о вере никаких речей с ними не плодите; токмо для того учините собор, чтобы казнить их и вешати».

Зосима созвал собор в 1490 году, и из приговора над еретиками следует, что жидовствующие отрицали основные догматы христианской веры: не признавали Иисуса Христа сыном Божьим, отвергали Святую Троицу, «хулы изрекали на Иисуса и Марию», отрицали почитание креста, икон, святых и чудотворцев, отвергали монашество и считали, что Мессия еще не явился. Они почитали «субботу паче воскресения Христова», признавали лишь единого Бога – «Творца неба и земли» и праздновали еврейскую Пасху.

Еретики упорно отрицали свою вину, но собор лишил их духовного сана, предал проклятию и осудил на заточение. Некоторых из них отправили к Геннадию в Новгород; архиепископ велел встретить их за сорок верст от города, надеть на них вывороченную одежду, шлемы из бересты с мочальными кистями и соломенные венцы с надписью «се есть сатанино воиньство». Еретиков посадили на лошадей лицом к хвосту, а народу велено было плевать на них и кричать: «Вот враги Божии, хулители Христа!» Затем на их головах зажгли шлемы из бересты, некоторые из осужденных лишились после этого рассудка и умерли.

3

Но ересь продолжала распространяться при дворе великого князя, и этому способствовало одно обстоятельство.

В 1492 году окончились 7000 лет от сотворения мира – по православному исчислению. Уже давно считали на православном Востоке, что мир будет существовать 7000 лет, а затем наступит «конец Вселенной», «день Страшного суда». Но срок прошел, а конец мира не наступил; это обстоятельство вызывало еретические мысли, сомнения в вере, всевозможные толкования Библии, – оно подтолкнуло и «ересь жидовствующих». «Если Христос был Мессия, – говорили еретики православным, – то почему же он не является в славе, по вашим ожиданиям?» По еврейскому летосчислению шел тогда 5252 год, и это был серьезный аргумент в пользу учения жидовствующих.

Иосиф Волоцкий, основатель монастыря со строгим уставом, стал главным борцом с ересью. Из его посланий можно понять, в каком состоянии было тогда всеобщее брожение умов. Он писал: «С того времени, как солнце православия воссияло в земле нашей, у нас никогда не бывало такой ереси: в домах, на дорогах, на рынке все, иноки и миряне, с сомнением рассуждают о вере, основываясь не на учении пророков, апостолов и святых отцов, а на словах еретиков, отступников Христа; с ними дружат, пьют и едят и учатся у них жидовству. А от митрополита – сосуда сатаны и дьявола – еретики не выходят из дома и спят у него».

Иосиф Волоцкий требовал, чтобы священники отказались от всякого общения с митрополитом Зосимой, не приходили к нему и не принимали у него благословения, потому что Зосима – «скверный, злобесный волк в пастырской одежде» – защищал еретиков. Говорили, что в нетрезвом виде Зосима высказывал порой еретические суждения о том, что Христос сам

себя назвал Богом, церковные уставы – это вздор, а иконы и кресты – просто «болваны». «Что такое царство небесное, что такое второе пришествие, что такое воскресение мертвых? – говорил он. – Ничего этого нет: кто умер, тот умер, и только; дотоле и был, пока жил на свете». В 1494 году Зосима, заподозренный в ереси, отрекся от митрополии «по немощи своей», но в летописях об этом сказано иначе: Зосима был удален за страсть к вину и нерадение о церкви.

Удаление Зосимы не помешало еретикам в Москве. Более того, они добились назначения архимандритом в новгородский Юрьев монастырь монаха Кассиана, который тоже держался ереси. Это было сделано стараниями всесильного дьяка Федора Курицына. Кассиан собрал вокруг себя новгородских еретиков, и в кельях его монастыря они сходились на тайные свои собрания. Но архиепископ Новгорода Геннадий нашел их и там; некоторые из них бежали в Литву и к немцам, где окончательно перешли в иудаизм.

Невестка великого князя Елена была на стороне еретиков, ее поддерживали могущественные сановники, а Иван III торжественно провозгласил Дмитрия, сына Елены, наследником великокняжеского престола. Кто знает, что могло бы случиться в русском государстве, если бы Дмитрий стал великим князем, а вокруг него сгруппировались люди, придерживавшиеся «ереси жидовствующих»? Об этом немало писали и говорили в России. Это напугало в свое время и церковь, и правителей. Существует даже предположение, что резко отрицательное отношение к иудаизму и к евреям в Московской Руси началось именно тогда, в период борьбы с жидовствующими.

Но всё обошлось в Московском государстве. Торжество Елены и ее приверженцев было непродолжительным. Влиятельного дьяка Федора Курицына не было уже в живых. Иван III из-за семейных неурядиц охладел к невестке Елене, заключил ее с сыном в темницу и назначил в 1502 году наследником своего сына Василия. Вместе с этим пришел конец влиянию жидовствующих при дворе великого князя.

4

Нового наследника Василия поддерживал Иосиф Волоцкий, который требовал от Ивана III крутых мер против еретиков. Тот признавался, что «ведал новгородскую ересь, которую держал Алексей протопоп и которую держал Федор Курицын»; знал великий князь, что его невестку совратили в жидовство, но долго колебался, не грешно ли еретиков предавать казни. Историк Н. Карамзин отметил: «Великий князь говорил, что надобно истреблять разврат, но без казни, противной духу Христианства; иногда, выводимый из терпения, приказывал Иосифу умолкнуть, иногда обещал ему подумать и не мог решиться на жестокие средства…»

Наконец Иван III покаялся, попросил Иосифа Волоцкого простить его прегрешения, на что тот ответил: «Государь, подвинься только на нынешних еретиков, а за прежних тебе Бог простит». В конце 1504 года был созван церковный собор, на котором Иосиф Волоцкий был обвинителем; собор постановил предать смерти главных еретиков. Некоторые из них объявили, что раскаиваются, но их раскаяние не было принято: Иосиф Волоцкий отклонил его под тем предлогом, что раскаяние, вынуждаемое страхом казни, не может быть искренним.

27 декабря 1504 года в Москве в деревянных клетках всенародно были сожжены дьяк Иван Волк Курицын, Дмитрий Коноплев и Иван Максимов. В Новгороде сожгли архимандрита Кассиана, Некраса Рукавого и других. Многих отправили в заточение по тюрьмам и монастырям; всех еретиков предали церковному проклятию, и даже через два столетия после этого ежегодно предавались анафеме Кассиан, Курицын, Рукавый, Коноплев и Максимов «со всеми их поборниками и соумышленниками».

Результатом борьбы с жидовствующими стала более жесткая политика по отношению к евреям. На еврея смотрели как на антихриста, его считали колдуном, чернокнижником и совратителем, перед ним испытывали суеверный страх. Изредка купцы-евреи еще приезжали

из Литвы и Польши; они «ходили с товарами» через Смоленск и Новгород, путь был небезопасен, порой жители грабили проезжих, да и в Москве к ним относились враждебно и могли отобрать товары.

Затем царем стал Иван IV – Иван Грозный, который не впускал евреев в Москву даже на время. Польский король Сигизмунд Август II писал ему: «Ты не впускаешь наших купцов-ереев с товарами в твое государство, а некоторых велел задержать и товары их забрать… А между тем в наших мирных грамотах написано, что наши купцы могут ездить с товарами в твою Московскую землю, а твои в наши земли, – что мы с нашей стороны твердо соблюдаем».

На это Иван Грозный ответил в 1550 году: «Мы тебе неоднократно писали о том раньше, извещая тебя о лихих делах от жидов, как они наших людей от христианства отводили, отравные зелья в наше государство привозили и многие пакости людям нашим делали… Мы никак не можем велеть жидам ездить в наше государство, ибо не хотим здесь видеть никакого лиха, а хотим, чтобы Бог дал моим людям в моем государстве жить в тишине без всякого смущения. А тебе, брат наш, не следует впредь писать нам о жидах».

Иностранец, побывавший в России, сообщал об Иване Грозном: «Как ни был он жесток и неистов, однако же не преследовал и не ненавидел за веру никого, кроме жидов, которые не хотели креститься и исповедовать Христа: их он либо сжигал живьем, либо вешал и бросал в воду». В 1563 году Иван Грозный завоевал Полоцк. Евреям этого города было предложено креститься, а отказавшихся – вместе с детьми и женами – утопили зимой в реке: прорубили лед и бросили всех в воду – около трехсот человек. Записано в хрониках: «Всех жидов, которые не захотели принять святое крещение, велел (царь Московский) утопить в славной реке Двине». Подобная судьба постигла и евреев других завоеванных городов и крепостей; спаслись лишь немногие, согласившиеся креститься по православному обряду.

Через восемь лет после этого смоленский купец Василий Позняков участвовал в московском посольстве на Ближний Восток и вёл путевые записи. Александрийский патриах спросил его: «Есть ли в вашей земли… жидове, и бусормане, еретицы… и протчая их проклятая вера – ересь?» Позняков ответил: «Никако, владыко. У нашего государя в царьстве жилища им нет. Жидам государь и торговать не велит, и впускать в свою землю».

«Ересь жидовствующих» не проявлялась открыто в России до середины восемнадцатого века, когда неожиданно была обнаружена властями. До сих пор в русском народе существуют различные секты иудействующих, сторонники которых уверяют, что веру свою «исповедуют издревле», якобы с пятнадцатого века, – но доказать это теперь невозможно.

5

В 1490 году, в самый разгар «ереси жидовствующих», приехал в Москву на постоянное жительство еврей из Венеции. Звали его Леон, или – Мистро Леон, Жидовин; это был первый врач, приехавший в Россию из Европы, который стал лейб-медиком великого князя Ивана III. Когда заболел старший сын великого князя Иоанн (муж Елены и отец Дмитрия), Леон вызвался его лечить, жизнью своей ручаясь за успех.

«И князь великий велел ему лечить сына своего князя Ивана, – записано в русской летописи за 1490 год. – Лекарь же дал ему зелие пить и жечь начал скляницами по телу, вливая горячую воду. И от того стало ему тяжче и умер. И того лекаря Мистра Леона велел великий князь поймать и казнить его смертною казнью, голову ссечи; они же отсекли ему голову на Болвановке апреля двадцать второго».

Из этой записи следует, что лекарь Леон Жидовин практиковал в России несколько месяцев, затем ему отрубили голову в Москве. Как отметил исследователь, «тогда верили в непогрешимость медицины и в плохих результатах лечения усматривали вину одного только врача».

Сохранилось еврейское сказание о событиях в Полоцке в 1563 году:

«Была лютая зима. Московский царь Иван Грозный завоевал Полоцк и повелел всех евреев с их женами и детьми – всех до единого! – согнать к берегу реки Двины, неподалеку от княжеского замка. Собрали всех евреев, их жен и детей, числом три тысячи, и поставили у реки Двины, как приказал царь. И лишь двое детей – мальчик, сын одного коэна, и девочка, дочь коэна, – во время суматохи были позабыты и не приведены к реке.

И приказал Иван Грозный поставить всех евреев на лед реки и затем разрубить лед. И были все потоплены, числом три тысячи. Спаслись только те двое детей, которых Иван Грозный затем пощадил; их приютили добрые люди. Выросли они и поженились, получив прозвище Бар-Коэн – Баркан. От них пошла новая община и фамилия Баркан». Еще в начале двадцатого века в память того трагического события члены погребального братства в Полоцке постились ежегодно в определенный день и устраивали богослужение на старом кладбище, в нескольких километрах от города, где, по преданию, были похоронены всплывшие тела мучеников 1563 года.

Распространение «ереси жидовствующих» сопровождалось появлением книг еврейских философов по логике, астрономии и другим наукам. Эти книги переводили с иврита на древнерусский язык, в основном для того, чтобы доказать правильность еврейского летосчисления и исторической традиции в сравнении с византийской.

Были переведены «Слова логики» Маймонида, «Тайная тайных» – указания для управления государством, книга по астрономии «Шестокрыл» Иммануэля бен Яакова Бонфиса, астрологическая книга «Лопаточник», а также «Логика Авиасафа» мусульманского философа одиннадцатого века ал-Газали, тоже переведенная жидовствующими с иврита. Переводились на древнерусский язык Книга Даниила и апокрифическая Книга Ханоха, Песнь песней и другие книги Библии. Имелся у жидовствующих даже сборник еврейских праздничных молитв, так называемый «Псалтырь Федора Жидовина», который перевел крещеный еврей Федор из Литвы.

У православного духовенства не было этих книг, и им было трудно спорить с еретиками. Не случайно новгородский архиепископ Геннадий просил прислать ему много книг по списку, которые «имеются у еретиков». Он же поручил переводчику посольского приказа Дмитрию Герасимову – «Мите Малому, толмачу латынскому» – перевести Библию, чтобы обличать со знанием «ересь жидовствующих». И в 1499 году – благодаря архиепископу Геннадию – появилась первая в мире полная Библия на славянском языке, названная Геннадиевской.

В 1517 году объявился некий «жидовин, волхв, чародей и прелестник» Исаак, который совращал православных, – снова был созван церковный собор, и опять казнили еретиков. (Возможно, Исаак не был евреем; словом «жидовин» называли иногда и отступников от веры. К примеру, одного русского монаха именовали «Аврамко-жидовин, чернец лживый».)

В шестнадцатом веке выдвинулся при дворе Ивана Грозного Матвей Башкин, выходец из мелкопоместных «детей боярских». Башкин

собрал кружок вольнодумцев, под влиянием протестантизма и «ереси жидовствующих» отвергал Святую Троицу, считал Христа только человеком, отрицал почитание икон и церковное покаяние. По решению собора Башкина заточили в Волоколамский монастырь, дальнейшая его судьба неизвестна.

С 1551 года монах Феодосий Косой начал проповедовать учение, отрицавшее божественное происхождение Христа и основные догматы христианства. Был арестован, бежал из Москвы в Литву, принял иудаизм и женился на еврейке. Православная церковь предала анафеме Феодосия Косого и его учеников.

Очерк восьмой
Еврейское самоуправление в Польше и Литве. Кагал. Ваад. Суды. Религиозные авторитеты польских евреев

В еврейских общинах сурово карали за слухи, оскорбительные для женской чести. Запрещали есть хлеб клеветника, пить его вино, хоронили его без религиозных обрядов – «как осла». Если кто-либо составлял песню оскорбительного содержания, его обязывали произнести в синагоге такую фразу: «Составленная мною песня равноценна собачьему лаю».

1

В польских и литовских городах еврейское население селилось в изолированных кварталах, и были на то особые причины. Во-первых, евреи считались сначала лишь королевскими подданными и могли размещаться только на королевской территории. Во-вторых, существовало церковное законодательство, которое требовало, чтобы они жили обособленно. Да и сами евреи стремились жить отдельно, избегая излишних конфликтов с христианским населением, соблюдая без помех свои законы и обычаи.

Жизнью общины руководила автономная организация – кагал (в переводе с иврита – «общество, община»). Кагал был в каждом городе, где существовала еврейская община, отвечал перед правительством и перед христианским населением за всех ее обитателей. Кагал платил налоги, вершил суд в тяжбах еврея против еврея, регулировал внутреннюю жизнь общины.

Поистине не было таких дел, которыми бы не занимался кагал: надзор за синагогами, снабжение религиозными книгами, уход за больными, содержание кладбищ, забота о чистоте, надзор за ценами, наблюдение за нравственностью, наем фельдшеров, повитух и аптекарей, сторожей и ночных караульщиков, – любая проблема, любой частный случай, требовавший вмешательства, рассматривался в кагальных учреждениях для принятия решения. В Опатуве, к примеру, некий домовладелец сделал пристройку в нижнем этаже, загородив часть улицы, а кагал оштрафовал его «за вред, нанесенный обществу», и обязал снести эту пристройку.

Во главе каждой еврейской общины стояли старшины, от трех до пяти человек; после избрания они присягали на верность королю и государству. Это старшины чередовались между собой, каждый месяц один из них становился главой общины; его называли «парнас» или «парнас га-ходеш» – то есть «парнас на месяц». (От того же корня происходит слово «парнаса» – заработок; глагол от того же корня означает – заботиться о чем-нибудь, давать пропитание, кормить, снабжать.)

Очередной кагальный старшина во время своего правления был «господином и владыкой общины»: он составлял бюджет, уплачивал кагальные долги, утверждал список семейств, которым разрешалось проживать в данном месте, подписывал общественные счета. При вступлении в должность он приносил торжественную клятву, что будет строго соблюдать кагальный устав и не позволит себе никаких отступлений. Эта должность бывала порой и опасной, во времена войн и нашествий, когда вступавшие в город войска требовали у старшин денег, провианта, одежды и проводников, а те не могли удовлетворить их требования.

Все конкретные дела в общине находились в ведении различных комиссий. Контрольная комиссия проверяла кагальные счета. Судебная коллегия разбирала тяжбы между евреями. Школьный отдел инспектировал школы и контролировал учителей. Благотворительная

комиссия заботилась о бедняках, контролировала погребальное братство, приют для бездомных и больницу, следила за чистотой миквы – бассейна для ритуального омовения, выдавала замуж бедных невест, доставляла свечи в иешиву и многое другое. Торговый и санитарный отделы следили за правильностью мер и весов, за чистотой улиц и колодцев в еврейском квартале, за ночной стражей и за привратниками, наблюдали, чтобы масло, сыр и вино изготавливали в соответствии с еврейскими законами о кашруте, вели надзор за убоем скота и продажей мяса, требовали, чтобы никто не выливал помои на улицу и чтобы «музыканты не играли громко по ночам».

Особый отдел занимался выкупом пленников: в те времена, в основном, выкупали у татар. Сборщики пожертвований на Святую Землю собирали деньги для евреев в Эрец Исраэль. Были еще комиссии по борьбе с роскошью, для наблюдения за нравственностью, для выдачи приданого бедным невестам и многие другие – в зависимости от размеров и нужд данной общины. Все должности в этих комиссиях были почетными, никому не платили за это жалованья, но каждый стремился попасть в одну из комиссий. Выборы проходили ежегодно, и в документах города Кракова указано, что должны быть избираемы «люди разумные и добропорядочные, достойные, зажиточные и зрелого возраста».

Духовным главой общины был раввин. Он назначался обычно на шестилетний срок, а в случае продления договора – еще на четыре года. Раввин подписывал решения кагала, руководил выборами, председательствовал на еврейском суде, совершал свадебные обряды, налагал отлучения от общины, следил за школьным обучением. Раввин получал жалованье, бесплатную квартиру, особое вознаграждение за проповеди в дни праздников, за совершение брачного обряда и за развод. Раввины часто меняли общины, даже прославленные ученые того времени переезжали с места на место по истечении срока службы.

В крупных городах вместе с раввином назначался глава иешивы. Помощник раввин – общественный проповедник (даршан) – читал и объяснял по субботам Священное Писание. При синагоге был общественный кантор. «Шойхет» – резник. «Моэль», совершавший обрезание новорожденным мальчикам. Был писарь еврейского суда, а также мелкие кагальные чиновники, которые обслуживали школу, синагогу, кладбище, вызывали стороны в суд, вручали повестки, объявляли об очередном деле. Все эти люди получали жалованье; на жалованье были и врачи, аптекари, общинные акушерки, цирюльники, лица, присматривающие за нищими в приюте для бездомных, и другие.

Были в общинах и особые уполномоченные – «штадланы», которые хорошо знали польский язык и служили посредниками между еврейской общиной и христианами. По кагальному уставу штадлан «призван к тому, чтобы являться в чертоги владык; он должен геройски выполнять возложенные на него поручения, совершать всё быстро, ходить туда, куда пошлет его кагал, например к иезуитам, в кафедральный собор… и устранять перед детьми Израиля каждый камень преткновения».

Кроме жалованья общинным служащим кагал выплачивал всевозможные налоги, количество которых постоянно увеличивалось. В середине шестнадцатого века был введен ежегодный налог «с головы еврея, как с мужчин, так и с женщин, детей и слуг». Был еще коронационный налог. Налог на содержание королевского двора. Налог с еврейской территории. Налог за право пользоваться синагогами и кладбищами и за право занимать какой-либо кагальный пост. Налог на слуг, находившихся в услужении у евреев. Сборы с еврейских лавок, ремесел и товаров. Налог натурой в королевскую казну – перцем, шафраном, дичью, задними частями туш и прочим. Налог с напитков. Дорожный налог, ярмарочный, за переезд через мосты, с убоя скота, с волов и баранов, отправляемых на продажу. Был даже налог «козубалец» – в пользу школяров-иезуитов – со всякого еврея, который проезжал мимо костела или церковной школы. А также городские налоги: с домов и площадей на территории города, на содержание стражи и полиции, за право торговли и прочее. И были чрезвычайные налоги на военные нужды.

Кроме обязательных налогов существовали всевозможные поборы, которые невозможно было заранее планировать: расходы на подарки воеводам, владельцам городов, их служащим, духовным лицам, писарям, депутатам сеймов и сеймиков, музыкантам воеводы, палачу и даже «гицелю» – истребителю собак. Платили вымогателям, чтобы они не возбуждали ложные обвинения, например, обвинение в употреблении христианской крови: проще было откупиться от такого человека, но не доводить дело до суда, результаты которого могли привести к трагедиям. В Опатуве платили «кантору костела, чтобы он не расхаживал по еврейской улице», не подстрекал толпу к нападению на евреев. Платили некоему пану Лисовскому из Кракова, у которого были полномочия «чинить все возможные на свете притеснения и задерживать мужчин, женщин и детей». Краковский воевода прислал приказ, чтобы евреи сделали ему «большое подношение», а староста в Виннице наложил на кагал крупную дань, объясняя это тем, что «евреи распяли Христа».

До середины семнадцатого века кагалы Польши и Литвы более или менее справлялись с выплатой всех этих налогов и поборов. В каждой общине была специальная комиссия, которая определяла, кому сколько платить. Старшины и члены кагальных комиссий обязаны были первыми уплачивать налоги, а за неуплату подвергали различным наказаниям вплоть до отлучения от общины.

2

В Польше и Литве существовала ступенчатая система еврейского самоуправления. Община с ее кагалом. Округи с окружными сеймиками. И общий еврейский сейм – Ваад (в переводе с иврита – «комитет»), на котором решали межобщинные проблемы. Сначала депутаты Польши и Литвы съезжались на общий Ваад, но в 1623 году произошло разделение. Литовские евреи организовали самостоятельный центральный Ваад Литвы, куда входили представители кагалов Вильно, Бреста, Гродно, Слуцка и Пинска. Общины Великой Польши, Малой Польши, Червонной Руси и Волыни образовали «Ваад четырех земель», или «Ваад евреев Короны».

Ваад польских евреев собирался два раза в году во время больших ярмарок в Люблине и Ярославе, и на него съезжались делегаты из округов. Каждый округ составлял наказ для своих депутатов – не допускать повышения старых налогов и введения новых для своего округа. Община того города, в котором происходило очередное заседание Ваада, должна была позаботиться о безопасности депутатов, чтобы можно было «заседать там в спокойствии, мире и безопасности».

Депутаты Ваада избирали исполнительный орган, который выполнял свои обязанности круглый год. В него входили «парнас» Ваада, казначей и несколько секретарей. «Парнас» Ваада – это был высший административный пост, которого мог достигнуть еврей в Польше, на него выбирали влиятельных людей, чаще всего «парнаса» одного из округов или главу крупной общины. Ваад был ответствен перед польским правительством за выплату налога со всех евреев, проживавших на территории Польши и Литвы. Правительство ежегодно назначало определенную сумму, и Ваад обязан был внести ее в государственную казну. Эта сумма временами увеличивалась, временами уменьшалась – в зависимости от нужд королевства; были общины, которые не могли уплатить свою долю из-за неблагоприятных условий, но правительство это не интересовало. В любом случае Ваад обязан был заплатить всё сполна.

Для этой цели рассылали по стране особых уполномоченных, «людей благонравных, богобоязненных, правдивых и бескорыстных, людей мудрых и известных, одного от каждой главной общины – с тем, чтобы они объехали всю страну вдоль и поперек», исследовали экономическое состояние еврейского населения и установили для каждого округа сумму налогового обложения, чтобы никто не мог уклониться от своей доли в выплате общего налога. Ваад запрещал

уполномоченным принимать какие-либо подарки, напутствуя их такими словами: «Итак, да предшествует им правда, чтобы творили они суд справедливый и чтобы поступали благоразумно повсюду, куда ни пойдут».

Практически не было ни одной серьезной еврейской проблемы тех времен, которой бы не занимался Ваад. На одном из съездов депутаты пожаловались на плохой шрифт учебников и Талмуда, от которого у молодежи портятся глаза, и Ваад тут же постановил «выровнять дорогу, очистить путь от камней, укрепить древо жизни» (то есть печатать хорошо и исправно). Постановления Ваада подробно регламентировали одежду, увеселения евреев и правила скромности, чтобы не вызывать зависти у окрестного населения. С постепенным всеобщим обнищанием постановления против роскоши становились всё суровее, чтобы сохранить платежеспособность общин. Многие предметы обихода совершенно исключали из пользования – золотые украшения, жемчуг на шляпах, шелковые и бархатные платья, шубы из куницы. Не пользовалась снисхождением «ни одна еврейская душа – ни мужчина, ни женщина, ни богатый, ни бедный, ни юноша, ни девица».

Особенно следили за нравственностью и запрещали еврейским женщинам – разносчицам товаров ходить в одиночку и даже группами по помещичьим усадьбам и монастырским дворам. Разносчицу должны были сопровождать два еврея, один из которых, ее муж, обязан был находиться при ней неотлучно. Запрещали отдавать нееврею в качестве залога жену, сына или дочь. Сохранилась запись в документах Ваада о некоем Яакове из Клецка: «Ворон жалеет детей, а этот человек не пожалел. Как только он передал свою дочь за долг пану, мы его тотчас же отлучили при звуках труб и тушении свечей и постановили, чтобы то же самое сделали во всех синагогах области и чтобы преследовали его до последней крайности».

Евреи были пришельцами из других стран, они жили в окружении, чаще всего к ним не расположенном, и Ваад следил за тем, чтобы не возникали напряженные отношения с местным населением. Первый литовский Ваад вынес, к примеру, такое постановление: «Если еврей берет деньги или товар у пана или купца нееврея, то в случае, когда можно предположить, что этот еврей имеет нечестные намерения, руководители общины обязаны предупредить об этом нееврея».

Чтобы не навлекать нарекания со стороны христиан, Ваад ввел в 1580 году ограничительные законы, запрещавшие евреям заниматься откупами государственных пошлин и податей. Было указано, что нарушившего это постановление «должна постигнуть следующая кара: да будет он отлучен и отвержен в обоих мирах (этом и будущем), да будет устранен и отделен от всякой святыни израильской, его хлеб будет считаться хлебом язычника, его вино – оскверненным, его мясо – трефным, его супружеский союз – прелюбодеянием; хоронить его следует как осла (без религиозных обрядов), и ни один раввин или иное духовное лицо не должны сочетать браком его сыновей или дочерей; никто не должен родниться с ним…пока он не свернет со своего дурного пути и не подчинится приказаниям учителей». Но этот ограничительный закон не всегда соблюдали.

Ваад заботился также о девушках-бесприданницах, которые нанимались в домашнюю прислугу. Их годовое жалованье – 10 злотых – выплачивалось казначею общины, а тот берег эти деньги до дня свадьбы. Когда девушке исполнялось пятнадцать лет, община выдавала ее замуж и выплачивала дополнительно 25 злотых из общественного фонда. Каждый большой город обязан был ежегодно выдать замуж определенное количество девушек-бесприданниц. На Брест-Литовск приходилось в году 12 таких свадеб, на Гродно – 10, на Пинск – 8. Не забывали и про евреев, что жили в Святой Земле, и в самые трудные времена посылали им часть своих скудных средств. В одном из постановлений литовского Ваада сказано: «Выдать благочестивому Иосифу Лейзеровичу, жителю Бреста, (деньги) на поездку в Эрец Исраэль и ежегодно отправлять ему туда 40 талеров».

Чтобы защитить свои материальные интересы, Ваад Литвы установил жесткие правила для въезда в Литву евреев из других стран, а для контроля за этим назначал в пограничные области специальных сторожей. За каждого нового пришельца должен был поручиться его родственник из Литвы, чтобы при необходимости он мог оказать тому материальную поддержку. Приезжим меламедам – учителям разрешали оставаться в стране не более двух лет, чтобы не отбивать доход у местных учителей, а бездомных бродяг, «наводняющих литовско-белорусские общины, занимающихся темными делами и отягчающих страну, жадно поедая ее добро», вообще не пускали в общины.

Но когда на евреев Украины обрушились бедствия времен хмельничины, были позабыты все ограничительные постановления Ваада. Беглецов из пострадавших районов распределяли по литовским общинам, им выдавали еженедельное пособие; своими постановлениями Ваад пытался облегчить жизнь несчастным скитальцам, которые «слоняются босыми и нагими, не имея чем прикрыться и во что одеться… Число их всё более увеличивается: они прибывают сотнями и тысячами; потрясенные бедствием, они с воплями и рыданием взывают о милосердии и помощи; кто слышит это, у того сердце сжимается от боли. Видя их горе великое, прониклись мы состраданием и решили взять их под попечение наше».

Особое постановление Ваада относилось к детям-беженцам, мальчикам и девочкам: «Во всякой общине, куда они прибудут, следует назначить человека для опроса об их именах и фамилиях, о местах, откуда они прибыли, и всё это должно быть записано в книге общины во избежание – не дай Бог! – брака между братом и сестрой».

3

Еврейские общины Польши и Литвы имели собственные автономные суды, которые разбирали все внутренние дела. Королевская привилегии указывала: «Тяжбы между одним евреем и другим не должен разбирать никто, кроме их же старшин, и только в том случае, если они не могут разобрать дело, оно переходит в ведение воеводы». Во главе суда каждой общины стоял раввин, при нем были, как минимум, двое судей. Судьи избирались одновременно с членами кагальных комиссий; должность судьи была почетной, и вознаграждение он получал лишь за некоторые свои обязанности. Судейские коллегии заседали в одном и том же месте, в определенные часы. Всякий обязан был явиться в суд по вызову под угрозой отлучения от общины и заочного решения дела. Решения суда записывались тут же, немедленно.

В Кракове, к примеру, существовали три коллегии суда: высшая, средняя и низшая. Высшей коллегии подлежали гражданские дела на сумму более 100 польских злотых, средней коллегии – от 10 до 100 злотых, а низшей коллегии – дела на сумму до 10 злотых, мелкие дела о клевете, обмане, споры между продавцами на рынке и дела о товарах, отпущенных в кредит. Доказательством служила присяга и свидетельские показания. Иногда присяга принималась у ворот синагоги, но в более серьезных случаях – в самой синагоге перед свитком Торы.

Суд выносил решение в течение двух дней, по сложным делам – максимум через пять дней, и если судьи задерживались с решением, кагальный старшина мог их оштрафовать. Стороны выступали перед судьями лично. Вдовы, сироты и лица, которые по какой-либо причине не могли вести свое дело, получали особого поверенного, который защищал их интересы. Судебные прения велись на разговорном языке – идише, протокол же записывали на иврите, и на нем излагали судебные решения. Штраф, который налагали на виновных, шел на ремонт местной синагоги.

Существовали и ярмарочные, выездные суды из ближайших крупных городов. На ярмарки съезжались торговцы, там возникали всевозможные проблемы купли-продажи-кредита, которые разбирал на месте ярмарочный суд. Во время заседаний Ваада на ярмарках собирался также съезд главных раввинов, который считался верховным судом и разбирал

споры между различными общинами. Решения этого суда подписывал «парнас» центрального Ваада, и тогда они получали законную силу. В большинстве случаев еврейский суд наказывал денежным штрафом, хотя мог применить и телесное наказание, а также подвергнуть виновного тюремному заключению на срок до трех месяцев, – во Львове камера для заключенных находилась при местной синагоге. По королевским привилегиям еврейские суды имели право выносить смертные приговоры, но такие случаи в Польше и Литве неизвестны.

Еврейские суды разрешали дела по законам Талмуда и по кодексам предписаний таких авторитетов, как Рамбам (Маймонид), рабби Яаков бен Ашер, рабби Йосеф Каро и рабби Моше Иссерлес. Но бывали сложные ситуации, когда местные суды затруднялись вынести решение, бывали случаи, когда стороны не соглашались с решением своего суда, и тогда начиналась переписка между общинами. Местный раввин излагал письменно доводы сторон и посылал их самым авторитетным раввинам, иногда даже в другие страны, – из Польши, к примеру, обращались в Чехию, а то и в Италию, – и дело разрешалось в соответствии с поступавшими от них ответами. Такие письма с изложением решений или мнений по проблеме еврейского законодательства называются на иврите «шейлот утшувот» – вопросы и ответы (по латыни – «респонсы»).

Особо серьезно еврейские суды рассматривали обвинения в клевете. Самые авторитетные раввины Польши занимались этими делами, и наказания за клевету назначались суровые. Клеветник должен был встать в синагоге в черном облачении, с двумя черными свечами в руках и заявить во всеуслышание: «Я согрешил перед Богом Израиля и против чести такого-то лица… Всё то, что я говорил или писал о таком-то лице, сплошная ложь и выдумка. За это я заслужил тяжкое телесное наказание, но суд сжалился надо мной и заменил его выкупом». Затем виновный в течение месяца сидел в синагоге за дверью, исполнял траурные обряды и выплачивал пострадавшему выкуп, который тот жертвовал на дела благотворительности.

Еще суровее карали за слухи, оскорбительные для женской чести. В таких случаях запрещали есть хлеб клеветника, пить его вино, хоронили его без религиозных обрядов – «как осла». Бывали случаи, когда кто-либо составлял песню оскорбительного содержания, и тогда раввины обязывали этого человека произнести в синагоге, при всех, такую фразу: «Составленная мною песня равноценна собачьему лаю».

В шестнадцатом веке в Калише возбудили обвинение против синагогального служителя, который будто бы издевался над христианской религией. Власти потребовали, чтобы община отдала его на суд воеводе, и грозили в случае ослушания наказать всех поголовно. Такой сложный вопрос местная община не могла решить самостоятельно и обратились за советом к видным раввинам, чтобы те указали, следует ли всем жертвовать собой ради одного. Раввины решили вопрос на основании Талмуда, где сказано: «Когда насильники встречают на дороге группу путешественников и требуют у них выдать им одного, чтобы его убить, угрожая в противном случае убить всех, путешественники обязаны умереть все вместе, но не выдать еврейскую душу».

Из этого правила делалось одно исключение: если насильники требуют выдачи определенного лица, которое на самом деле заслуживает смертной казни. С этой точки зрения раввины и рассматривали данный случай: действительно ли виновен синагогальный служитель или же его оклеветали. В конце концов, они пришли к такому заключению: «Пусть ухудшится наше положение в стране, но мы не дадим на поругание и издевательство невинную душу».

4

В конце пятнадцатого века центр еврейской духовной жизни переместился постепенно на восток, к немецко-польскому еврейству. Первые центры талмудической учености в Польше были основаны выходцами из Германии и Чехии, одним из них был рабби Яаков Поллак. Он

учился в Германии, был раввином в Праге, затем переехал в Краков и основал там школу для изучения Талмуда. В 1503 году польский король Александр назначил рабби Поллака раввином Малой Польши, дал ему право разбирать споры между евреями, карать преступления и исправлять нравы. Рабби Яаков Поллак знаменит тем, что применял в своей школе метод изучения Талмуда, который называется «пилпул»: именно этот метод способствовал развитию раввинской учености в Польше.

Слово «пилпул» образовано от существительного «пилпель» – в переводе с иврита «перец», и от глагола того же корня – «приправлять пряностями». Отсюда и «пилпул» – острый спор, остроумные доводы и контрдоводы спорящих. Этот метод применялся издавна в талмудических школах; были у него свои сторонники, но были и противники, которые считали так: чем остроумнее аргументы, тем легче они могут привести к ложным выводам, ибо «мудрствующий человек часто бывает легкомыслен».

Рабби Яаков Поллак развил этот метод преподавания Талмуда. Характерная его черта – тонкий анализ, умение при помощи изощренных построений сближать самые отдаленные понятия. Например, приводили какое-нибудь талмудическое положение, в нем отыскивали противоречия, его оспаривали различными цитатами из Талмуда, приводили множество относящихся к этому комментариев, а когда вопрос казался уже неразрешимым, опытный учитель или ученик разрешал его самым неожиданным образом, разрушая им же самим созданный лабиринт противоречий. Такой метод преподавания развивал у учеников гибкость мышления, и иешива рабби Поллака приобрела известность по всей Европе. Если раньше юноши уезжали из Польши в Германию для продолжения обучения, то теперь уже из Германии ехали учиться в Польшу.

Рабби Яаков Поллак воспитал в иешиве много учеников, среди которых самый выдающийся – рабби Шалом Шахна. Он пользовался исключительным авторитетом среди раввинов своего времени, основал иешиву, куда стекались «со всех концов мира», и воспитал своих учеников, лучшим среди которых был рабби Моше Иссерлес – Рамо. Рабби Моше Иссерлес тоже основал иешиву, куда съезжались юноши изучать Талмуд, и такая преемственность – от учителя к ученику, от ученика к его ученику – способствовала тому, что в Польше и Литве в те времена было много ученых, пользовавшихся всеобщим авторитетом. Это рабби Шломо Лурье, рабби Авраам Горовиц, рабби Мордехай Яффе, рабби Шмуэль Эйдельс, рабби Меир из Люблина, рабби Шабтай Коэн и многие другие.

Рабби Моше Иссерлес прославился главным образом как автор многочисленных респонсов и как комментатор кодекса законов «Шулхан арух». «Шулхан арух» («Накрытый стол») написал в Эрец Исраэль рабби Йосеф Каро. Этот составленный в виде кратких предписаний полный свод еврейского религиозного и гражданского права состоит из четырех частей: законы о богослужении, субботе и праздниках; законы о пище, убое скота и домашнем обиходе; бракоразводное право; гражданское и уголовное право и судопроизводство. «Шулхан арух» получил широкое распространение во всех еврейских общинах мира. Рабби Йосеф Каро, сефардский еврей, как правило, учитывал обычаи сефардов и не включил в книгу многие религиозные обычаи германо-польских евреев. Для того, чтобы «Шулхан арух» мог стать для них практическим руководством, рабби Моше Иссерлес снабдил кодекс Каро своими добавлениями и замечаниями, которые известны под названием «Мапа» – «Скатерть».

В 1578 году появилось в Кракове первое издание кодекса Каро-Иссерлеса; с этого момента ашкеназское еврейство стало принимать свод законов рабби Каро с добавлениями рабби Иссерлеса, отдавая предпочтение последнему, если существовало какое-либо расхождение между двумя авторитетами. Этот кодекс стал регламентировать образ жизни еврея Центральной и Восточной Европы, определяя каждый его шаг и каждый поступок. На первый план рабби Иссерлес выдвигал обычай: «никто не должен поступать вопреки обычаям», «нельзя отменять обычай», «таков обычай» – это было для него высшей инстанцией.

К рабби Иссерлесу постоянно обращались за решением спорных вопросов, его респонсами пользуются и теперь в необходимых случаях. Его личность была окружена легендами; синагогу в Кракове назвали его именем, польские евреи ежегодно в день смерти рабби приходили на его могилу, которая цела по сей день. Надпись на могильной плите гласит: «От Моше (Рамбама) до Моше (Иссерлеса) не было равного Моше».

5

В шестнадцатом веке Шауль Валь из итальянского города Падуи переехал в Польшу и поселился в Брест-Литовске; там он разбогател и стал откупщиком. Известно, что король Стефан Баторий выдал ему привилегию на добычу соли и ее продажу по всей Литве, а Сигизмунд III наградил его почетным званием «королевский слуга». Он много помогал евреям Брест-Литовска и был их поверенным в переговорах с королем и с духовенством. С именем этого человека связана легенда о том, будто бы он, Шауль Валь, стал королем Польши на одну ночь.

Это случилось в 1587 году. В Польше было междуцарствие. Незадолго до этого умер король Стефан Баторий, и паны собрались в Варшаве для избрания нового короля. Сразу же возникли разногласия. Одни хотели избрать эрцгерцога Максимилиана Австрийского; другие – шведского принца Сигизмунда; третья партия стояла за Федора, сына Ивана Грозного. В сейме ожесточенно спорили, кричали, ругались. И тогда – гласит предание – встал с места Николай Радзивилл и сказал: «Успокойтесь, господа, перестаньте спорить! Изберем королем Шауля». Вероятно, это была шутка, чтобы успокоить делегатов, и паны согласились разойтись по домам, избрав до утра, на одну только ночь, королем Польши Шауля Валя.

В другом варианте этой легенды сказано, что у панов не было выбора: по закону они обязаны были в тот же день выбрать нового короля, – вот они и избрали Шауля Валя на одну ночь, чтобы наутро продолжить свои споры. Как бы там ни было, но Шауль Валь, став королем, тут же велел занести в книги разные льготы евреям. На другое утро он пришел в сейм и уговорил всех избрать истинным королем принца шведского. Тот был избран и благополучно царствовал сорок шесть лет под именем Сигизмунда III.

Народная фантазия создала не одну легенду о Шауле Вале; в каждой из них он даровал в ту ночь евреям разные права, чтобы они жили счастливо и безбедно на польской земле. И многие еврейские дети, засыпая под эту историю, которую им рассказывали мама или бабушка, видели себя во сне польскими королями. И многие евреи – в тяжелые минуты жизни – утешались поговоркой тех времен: «Счастье так же непрочно, как и царствование Шауля Валя».

Еще одна история.

В первой половине семнадцатого века некий еврей Айзик построил за свой счет синагогу в Казимеже, и окрестные жители решили устроить погром. Среди евреев поднялась паника, но местный раввин предложил выход из положения: отобрать группу мужчин, одеть их в погребальные саваны, дать в руки длинные жерди, горящие свечи и в таком виде поставить в полночь у кладбищенской ограды. При виде этих стражников погромщики решат, что мертвецы встали из могил, чтобы помочь своим братьям, и испугаются. И на самом деле, когда толпа подошла к еврейскому кварталу, увидела «мертвецов» в белых саванах, все с перепугу разбежались, и погром не состоялся.

С этой же синагогой связана и другая легенда о рабби Айзике, сыне рабби Иекеля. Однажды во сне ему было указано отправиться за сокровищем в Прагу и откопать его под мостом, который ведет к королевскому дворцу. Когда сон повторился трижды, рабби Айзик собрался в путь и отправился в Прагу. Но мост день и ночь охраняла стража, копать он не мог, тем не менее он приходил к мосту каждое утро и бродил возле него до вечера.

Наконец начальник стражи заметил его и спросил, не ищет ли он чего-нибудь. Рабби Айзик рассказал о сне, который привел его из Польши, и начальник стражи захохотал: «И ради этого ты притащился в такую даль? Да если бы я верил снам, мне пришлось бы отправиться в Краков, потому что во сне я получил указание пойти туда и копать под печкой в комнате у еврея Айзика, сына Иекеля. Да, так его звали: Айзик, сын Иекеля!» И он снова захохотал. Рабби Айзик поклонился ему, вернулся домой, откопал из-под печки сокровища и на эти деньги построил молитвенный дом, который по сей день стоит в Казимеже и называется «синагога Айзика».

Хасидский цадик рабби Буним любил рассказывать эту историю, добавляя после ее завершения: «Запомните: есть вещи, которых не найти нигде в мире, и всё же существует место, где их можно отыскать. Но для этого сначала следует «совершить путешествие в Прагу»…»

В начале шестнадцатого века литовский еврей Авраам Езофович брал на откуп таможенные доходы, арендовал монетный двор, стал подскарбием – министром финансов Великого княжества Литовского. Он был очень богат, владел имениями в Литве и однажды одолжил королю огромную по тем временам сумму – 10 000 червонцев; под залог король определил город Ковно и дворец в нем. Человек энергичный, Авраам Езофович сделал многое для улучшения финансового положения Литвы и, как писали историки, был «заметной величиной среди литовской служилой шляхты». Крестившись, Авраам Езофович получил от короля дворянство и герб с прибавкой к фамилии «Ястжембец». Его потомки дали род Абрамовичей, к которым и перешел этот герб, но в последующие века они тщательно скрывали свое еврейское происхождение.

Михель Езофович, брат Авраама, был одним из крупнейших откупщиков своего времени. В его ведении были города Брест, Могилев, Витебск, Гродно, Луцк, Минск, Владимир-Волынский, Новогрудок. Это был человек выдающейся предприимчивости и редкой деловитости, благодаря чему он и нажил огромное состояние. В 1514 году король Сигизмунд назначил Михеля Езофовича старшиной над всеми литовскими евреями – за его заслуги.

Авраам Езофович стал польским дворянином только после крещения, а его брат Михель получил дворянство, оставаясь правоверным евреем. В 1525 году король пожаловал ему дворянство и особый герб; это был единственный случай в истории Польши – возведение верующего еврея в польское дворянство.

Еврейские женщины зачитывались книгой «Бове-майсес» – «Истории о Бове», наполненной всевозможными приключениями. В 1507 году Э. Б. Левита перевел ее в стихотворной форме с итальянского языка на идиш, взяв за основу роман времен крестовых походов про рыцаря Буово и обратив всех героев в евреев (русский перевод того же романа называется «Бова Королевич»). Слово «Бове» по звучанию похоже на «бобе» – на идише

«бабушка». Отсюда и появилось популярное выражение «бобе-майсес» – «бабушкины сказки»: невероятные истории и небылицы.

В шестнадцатом веке Яаков Ашкенази из Богемии составил книгу на языке идиш для еврейских женщин; самое старое ее издание, дошедшее до наших дней, увидело свет в 1622 году. Название этой книги – «Цеена у-реена», что означает на иврите «Выходите и посмотрите» (из «Песни песней»: «Выходите и посмотрите, дочери Сиона»). В книге пересказаны истории из Торы, отрывки из книг пророков, из свитков Рут, Эстер, Песни песней и других источников. Эта книга была чрезвычайно популярна среди женщин, выдержала более 200 изданий и выходит в свет по сей день.

Из рассказов о прошлых временах: «Когда нашей благочестивой прапрабабушке где-то там, на просторах старушки-Европы, удавалось выкроить хоть часок среди бесконечных хлопот по хозяйству, она усаживалась поудобнее в своем уголке – между детской колыбелью и печкой, открывала иллюстрированную гравюрами книгу «Цеена у-реена» и погружалась в чтение. Истрепанные за долгие годы страницы рассказывали ей о том, что происходило с народом израильским в давние времена…»

Была популярной среди евреев и книга «Ховот га-левавот» («Обязанности сердец») об этических нормах еврейской жизни. Ее написал в одиннадцатом веке рабейну Бахья из Испании; книгу неоднократно издавали на языке идиш. Автор «Ховот га-левавот» призывал читателя к развитию душевных устремлений, к проникновению в тайны Небес, в высшую мудрость, – такое доступно лишь истинным праведникам, способным «видеть без глаз, слышать без ушей, говорить без языка, ощущать без чувств и постигать без умозаключений».

Очерк девятый
Школьное обучение в Польше и Литве. Хедеры и иешивы. Свадебный обряд и семейная жизнь. Религиозные и благотворительные братства

«Сын человеческий, что же ты дремлешь?.. Вот подошла моя старость, не знаю дня смерти своей, и если не теперь, то когда сделаю что-нибудь для дома своего? Поэтому я решил написать завещание домочадцам…»

1

Школьное обучение мальчиков в Польше и Литве являлось непременной обязанностью родителей, опекунов и всей общины, и поэтому практически все евреи-мужчины умели читать и писать, отличаясь этим от окружающего населения, которое в массе своей было неграмотным.

«Шулхан арух», свод религиозных предписаний, так определяет обязательность обучения: «Каждый человек должен обучать своего сына Торе; если же отец не обучал сына, то сын (впоследствии) сам обязан учиться… Если отец не нанимает учителей для своего сына, то его принуждают к этому, а в случае необходимости забирают часть его имущества – для покрытия расходов по найму учителя. Начальные школы должны быть в каждом городе; если же где-нибудь их нет, то жителей этого города предают «херему» (отлучению), пока не пригласят учителя».

«Шулхан арух» определяет возраст обучения и его порядок: «С трех лет знакомят мальчика с буквами Торы, чтобы он научился ее читать. На шестом или на седьмом году мальчика отдают в учение к меламеду. Успевающего мальчика переводят от одного меламеда к другому, более сведущему в Танахе и грамматике… На двадцать пять мальчиков полагается один учитель; если же учащихся больше двадцати пяти и число их доходит до сорока, то к учителю следует приставить помощника».

Еврейские школы Польши и Литвы делились на два вида: хедеры и иешивы (ешиботы). Обучение в хедерах было обязательным для всех мальчиков от шести до тринадцати лет. Каждый учитель – меламед – мог открыть хедер и получать от родителей вознаграждение за свою работу; во всяком городе было такое количество хедеров, которые могли вместить всех учеников. Существовали хедеры для бедных детей и сирот, которые оплачивала община: эти школы называли «талмуд-тора». Дети учились в хедере с утра до вечера; только по пятницам и в первый день каждого месяца их отпускали домой пораньше, и выходя из школы, они прыгали «как телята по улицам города, поднимая ужасный шум».

Высшими учебными заведениями того времени были иешивы. Там изучали Талмуд и комментарии к нему, своды законов «Мишне Тора», «Шулхан арух» и другие. Туда поступали после хедеров самые способные юноши, в которых не было недостатка, и каждый отец не жалел средств, – если они у него, конечно, были, – чтобы его сын поступил в иешиву и стал ученым. В иешивах учились семестрами: был летний семестр, был зимний, а в промежутках каждый ученик имел право учиться там, где он хотел.

Иешивы существовали в тех общинах, где жили авторитетные раввины, и лишь в крупных городах – Львове, Кракове, Люблине – бывало по две-три иешивы. Они содержались за счет общин; учились там юноши старше тринадцати лет, пришедшие из хедера, но попадались и взрослые, порой женатые люди. Иногда иешива имела собственное здание, но чаще она разме-

щалась в одной из синагог города: поэтому в польских и русских документах синагогу обычно называли «школой». Учение начиналось с утренней молитвы, продолжалось весь день и затягивалось после перерыва до поздней ночи. Учились старательно, с воодушевлением и громко произносили слова текста, чтобы закрепить их в памяти.

Летописец семнадцатого века Натан Ганновер: «В каждой общине здесь существовали иешивы, и их главы – рош-иешивы – хорошо оплачивались, чтобы они могли без забот руководить этими школами и всецело отдаваться Торе… Каждая община содержала «бахурим» – юношей, чтобы они учились у рош-иешивы, а при каждом юноше – двух мальчиков, которых он обучал тому, что сам усвоил… В каждой семье столовались юноша и два мальчика или один юноша наравне с сыновьями хозяина. Хотя содержание юноше отпускалось общиной, тем не менее семья кормила его за свой счет и снабжала всем необходимым, а некоторые то же самое делали и по отношению к мальчикам, круглый год кормили троих. И почти не было дома во всей Польше, где не изучали бы Тору».

В промежутках между семестрами главы иешив и ученики уезжали на ярмарки – во Львов, Люблин, Заслав. Там каждый ученик мог заниматься с любым ученым по своему выбору; там же руководители иешив набирали себе способных и усердных учеников. «На каждую ярмарку, – сообщал Натан Ганновер, несколько завышая цифры, – приезжало несколько сот руководителей иешив, несколько тысяч юношей с десятками тысяч мальчиков-учеников. И торговцев бывало там несметное число, словно песок морской, ибо стекались сюда со всех концов света. И каждый, кто имел взрослого сына или дочь-невесту, приезжал на ярмарку, и всякий находил там себе пару. И на каждой ярмарке заключались сотни и тысячи помолвок».

2

Семейная жизнь евреев Польши и Литвы определялась законами Торы и обычаями, восходящими к далекой древности. Библейское благословение «плодитесь и размножайтесь» является обязательной религиозной заповедью для евреев, и законоучители смотрят на супружескую жизнь как на наиболее естественное и наиболее нравственное состояние: «Холостой человек живет без радости, без благословения и без счастья».

Законоучители советовали быть осторожным при выборе жены: «Торопись в покупке земли, но медли в выборе жены». Они не одобряли женитьбу ради богатства, советовали жениться на девушке из хорошего дома и обязательно обращать внимание на поведение братьев невесты: считалось, что характер будущих детей часто похож на характер братьев их матери. «Продай последнее, что имеешь, – говорили законоучители, – и женись на дочери ученого человека». Они не советовали брать жену из более родовитого дома, и старая пословица напоминала на этот счет: «Я не желаю сапога, который слишком велик для моей ноги».

Законоучители не поощряли браки между стариками и молодыми женщинами, между старухами и молодыми людьми. Говорили в древности: «Добрая жена – драгоценный дар, выпадающий на долю богобоязненного; злая жена – проказа для мужа. Красивая жена – счастье для мужа, дни его жизни удваиваются». И предупреждали: «Мужчина высокого роста не должен жениться на высокой женщине, а кто низок ростом – на невысокой женщине; смуглый мужчина не должен жениться на смуглой, белолицый – на белолицой», чтобы эти качества не усилились в потомстве до уродливых размеров. И еще говорили мудрецы: «Украшение лица – борода. Радость сердца – жена. Наследие Божие – сыновья». И еще: «Вот трое, которым жизнь не в жизнь. Ожидающий своего пропитания от других. Одержимый телесными недугами. И находящийся под началом своей жены».

В Польше и Литве юноша вступал в брак в возрасте от тринадцати до двадцати лет, но лучше всего – в восемнадцать: этот возраст признавали идеальным. Если мужчине минуло двадцать лет, и он еще не женился без уважительных причин, то еврейский суд имел право

заставить его это сделать. Однако, как отмечал рабби Моше Иссерлес, «в настоящее время обыкновенно не прибегают к принудительным мерам». Брачный возраст девушки совпадал с наступлением половой зрелости, но отец мог обручить свою дочь и до этого, не спрашивая ее согласия. Закон признавал только желательным, чтобы родители не торопились с обручением, пока дочь не подрастет и сама решит, нравится ей жених или нет. Ранние браки в те времена были частым явлением. Отец невесты, скопив с трудом приданое для дочери, торопился поскорее выдать ее замуж, чтобы не потерять накопленное во время очередного погрома. Таким образом, судьба девушки зависела от того, обручат ли ее в малолетнем возрасте или после двенадцати-тринадцати лет, когда ее согласие считалось обязательным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.